

АРТЕМ КАМЕНИСТЫЙ



ЭТО НАШ ДОМ

Артем Каменистый

Это наш дом

Серия «Пограничная река», книга 4

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=415582
Это наш дом: Альфа-книга; Москва; 2010
ISBN 978-5-9922-0580-0

Аннотация

Им просто не повезло – их самолет оказался в неудачном месте в неудачное время. Их было много, но два года жестокой каторги это исправили. Когда больше нечего терять, перестаешь бояться. Чем закончится их побег? Возвращением к ненавистой пирамиде с ее кошмарами? Или их кости останутся белеть в степи? А может, правы самые смелые и здесь действительно можно найти других людей?

Эти вопросы для них не имели ответов, пока не появился шанс их получить. Цена оказалась высока, но лучше умереть в бою, чем медленно сгнить в рабстве.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	38
Глава 3	66
Глава 4	84
Глава 5	103
Глава 6	128
Конец ознакомительного фрагмента.	132

Артем Каменистый

Это наш дом

Глава 1

Вначале это был самый обычный рейс. Самолет взлетел, набрал высоту, жадно пожирая горючее, и направился к далекой цели, до которой добраться ему было не суждено. Ни один из пассажиров, похоже, не догадывался о том, что это рейс без посадки – никто не опоздал и не сдал билет, опровергая тем самым популярную теорию «предвидения катастроф». Из ста тридцати девяти пассажиров и членов экипажа ни один не догадывался, что причуды судьбы ведут их небесную машину навстречу редчайшему астрономическому явлению – ее путь пересекался с исполинским эллипсом, по которому вокруг Солнца двигался небольшой астероид. В принципе пересечения орбиты Земли с орбитами астероидов и комет – явление не столь уж и редкое: в плоскости эклиптики им тесновато. Большинство таких пересечений проходит незаметно для земных астрономов. А если это замечают астрономы, то обыватели в массе своей пребывают в неведении. Какое им дело до небесной механики? Да никакого.

Но не в этом случае.

Сегодня астероиду не повезло – редчайшее совпадение: в точку пересечения с орбитой Земли он пришел одновременно с планетой. Метеоспутнику, оказавшемуся на пути небесного гостя, тоже не повезло. Не повезло крупному промышленному центру и его обитателям: исполинская железоникелевая глыба закончила свое странствие в районе железнодорожного вокзала. Не повезло также двум самолетам и их пассажирам: один набирал высоту, другой давно уже занял свой эшелон – оба они оказались слишком близко к месту событий.

Им просто не повезло – минутой позже, и все бы обошлось.

Но второму самолету не повезло меньше.

Хотя как знать... пассажиры первого хотя бы не мучились...

* * *

Сок оказался теплым. Н-да... уж лучше бы коньячку у стюардессы взял – его и теплым можно выдуть, а вот теплый томатный сок – раствор соплей в протухшей болотной воде. Конечно, это вопрос вкуса, но его вкус, увы, именно такой. Эх, сейчас бы еще закурить... Дома покурит, и покурит как аристократ – как минимум одну сигару он точно заслужил. Как раз успеет до футбола вернуться: развалится перед телевизором на своем верном четвероногом друге диване. Бу-

дет по-плебейски пить пиво и по-аристократически курить сигару, наблюдая за полуфинальным матчем. А уж завтра, на фирме, сбросив груз неотложных командировочных трофеев, закатится с Серегой и Славкой в кабаk, и там они отметят свой успех по-настоящему – завтра можно. Их почти двухгодичные усилия наконец-то разродились результатом. Да еще и каким – не на ступеньку вверх шагнули, а, считай, целый пролет разом перескочили. Будто два джек-пота сорвали в один день. Повезло. Хотя везение – это обычно результат кропотливой подготовки: в их случае все было именно так. Без труда, как говорится... холодильник не украсть, и будешь пить теплый томатный сок до скончания своих дней. Интересно, а что пьет эта красотка, сидящая впереди? Волосы у нее просто загляденье – будто каждую волосинку вручную укладывала на причитающееся ей место. Надо бы при выходе оценить переднюю часть организма: если там все соответствует затылку, придется подумать о перспективах завязать знакомство – такое произведение искусства упускать преступно. С легкой завистью покосившись на соседа, тянувшего из стаканчика далеко не сок, Андрей поставил свой стаканчик на откидной столик, потянул журнал из сетчатого гнездышка на спинке кресла. Именно в этот миг все и случилось – траектория небесного гостя пересеклась с курсом авиалайнера. Самолет задело огненной оболочкой умирающего небесного гостя – жизнь пассажиров и членов экипажа очень круто изменилась.

Для тех, кто это пережил, естественно.

Слева кто-то вскрикнул, тут же хором заорали чуть ли не все пассажиры по левому ряду. Повернувшись, Андрей от неожиданности подпрыгнул в кресле, нечаянно врезав коленом по столику. Стаканчик с соком подпрыгнул, выплеснул содержимое ему на рубашку, но он эту неприятность даже не заметил. По левой стороне салона творилось нечто невообразимое – все иллюминаторы сияли ослепительно-оранжевыми сполохами, будто снаружи кто-то врубил тысячи горелок одновременно. Андрей со своего места не мог видеть источник странного сияния, но и без этого у него волосы на затылке зашевелились. А уж дружные крики тех, кто сидел у иллюминаторов...

Что за... Крыло загорелось?!

Журнал выскользнул из мгновенно вспотевшей ладони – не тратя времени, Андрей поспешил пристегнуться. Он проделал это рефлекторно – очевидно, проснулась интуиция. Едва успел – самолет внезапно резко лег на правое крыло, попытался было выровняться, но в следующий миг уютный мирок салона попросту смело: по нему полетела посуда, журналы, сумки... и люди. Мало кто сидит пристегнутым после набора высоты...

Самолет нехотя завалился на правый бок. Перед Андреем головой на иллюминатор рухнул один из пассажиров. Корча в пронзительном крике кровавую маску, оставшуюся от лица, бедняга схватился за кресло впереди. Это его не спасло

– очередной крен машины выкинул его к носу столь стремительно, что пластиковая обшивка вырвала несчастному ногти. В этот же миг Андрею заехал по затылку кто-то, прилетевший от хвоста. Повезло, что вскользь, но все равно шея угрожающе хрустнула, резко лязгнули зубы, наполнив рот осколками эмали, в глазах потемнело.

Это конец – авиалайнеры не приспособлены к подобной акробатике.

Это конец!

Но все равно хотелось верить в лучшее и сопротивляться костлявой старухе до последнего. Спасая голову от летящих по салону предметов и пассажиров, Андрей пригнулся, обхватил голову ладонями. Он теперь почти ничего не видел, но зато слышал все прекрасно. Надсадно ревели двигатели, угрожающе трещал фюзеляж, отрывисто ломалось что-то пластиковое, хрипло булькали динамики системы трансляции, временами эти невнятные звуки разбавлялись вполне узнаваемыми словами, иногда предельно матерными. Под ногами мелко вибрировал пол, а кресло дергалось столь угрожающе, что, казалось, вот-вот оторвется и отправится путешествовать по салону вместе с пристегнутой к нему жертвой.

Не оторвалось – после особо резкого рывка самолет внезапно выровнялся, почти унял нервную дрожь, да и треск практически затих. По салону, прорываясь через надсадный хрип обезумевшей электроники, пронесся, мягко гово-

ря, нервный голос:

– Все бегом пристегнитесь!!! – И уже чуть спокойнее: – У нас нештатная ситуация, но всё под контролем! Мы снижаемся и сейчас совершим посадку в ближайшем аэропорту! Просьба...

Новый голос, паникующе-изумленный, напрочь заглушил первый:

– Что это?!! Где мы?!! Что за!!!

Андрей от этого малоцензурного вопля посильнее пригнулся – еще чуть-чуть, рубаха по швам и лопнет. Голливудская киноиндустрия твердо вбила в голову одно: после фразы «всё под контролем» обычно начинаются основные неприятности – все, что было перед этой кодовой фразой, можно считать просто прелюдией. Если повезет отсюда выкарабкаться, в жизни больше не сядет в самолет. Платить такие деньги за билет, чтобы потом упасть в этом гробу! На фиг за свои деньги иметь такие приключения?! Нет уж! Господи, да он готов был всю оставшуюся жизнь пешком передвигаться, лишь бы выбраться из этой алюминиевой ловушки!

А ведь так в итоге и вышло...

Самолет вновь начал вибрировать, в истошный вой двигателей вплеся нехороший звук металлического покашливания, следом отрывисто треснуло, что-то гулко ударило по фюзеляжу. Нечто неуловимо-стремительное, мелькнув перед носом будто молния, аккуратно разрезало переднее сиденье вместе с симпатичной пассажиркой, на Андрея брыз-

нуло красным и горячим, по салону промчался ветер. Вот теперь точно конец – это разгерметизация.

Перекрикивая весь этот шум, динамики взревели в последний раз:

– Держитесь все!!! Мы садимся!!! Мы уже видим полосу!!! Держитесь!!!

Первые приятные новости. Они же и последние...

Это была не посадка – это было столкновение с землей. Многострадальные зубы родили очередную, самую щедрую порцию обломков эмали, рот наполнился кровью, уши оглохли от адского грохота – треск разрушаемых конструкций слился в сплошной душераздирающий рев. Кресло под Андреем перекосилось, будто норовя завалиться, но не оторвалось – так и застыло наклонившись.

На какой-то миг он вырубился – сознание спасительно отключилось. Очнувшись, понял – посадка (или скорее управляемое падение) свершилась. Двигатели еще ревели, но самолет больше не трясло на ухабах. Откуда на посадочной полосе такие ухабы? Полное впечатление, что на нее сотню «лежащих полицейских» уложили.

Расстегнув ремень, Андрей разогнулся, попытался оглядеться. Куда там... Перед глазами темно как после нокаута, да и салон почему-то густо затянуло пылью. А может, это не пыль? Дым? Странный дым – сеном пахнет вроде бы. Да какая разница, чем он пахнет, – надо быстрее отсюда выбираться!

Соседнее кресло пустовало. Неужто этот лысый толстячок уже выбрался? Вряд ли, скорее его размазало по салону в первые мгновения катастрофы. На подгибающихся ногах Андрей протиснулся между перекошенных кресел, шагнул в проход, наступил при этом на что-то податливое. Взглянул под ноги. Лучше бы не смотрел – его угораздило наступить на оторванную пухлую лодыжку в крикливо-красной туфельке на массивном каблуке. Пожалуй, даже не оторванную – слишком ровный срез, будто бритвой чикнули.

Долеталась...

Откуда-то справа пробивается солнечный свет. Потянувшись туда, увидел в пыльно-дымном мареве светящийся прямоугольник распахнутого аварийного выхода. Сорвало при посадке или кто-то уже успел открыть и выбрался? Да какая разница – бегом туда, пока тут все не вспыхнуло.

При ударе здесь из пола вылезла какая-то труба, оторвав пару рядов кресел. Их припечатало к третьему ряду, сложив в неряшливую грудку из пластика и человеческих тел. Пробираясь через этот завал, Андрей нечаянно задел торчащую из обломков руку с вызывающе блестящими на запястье дорогими часами. Ладонь тут же сжалась вокруг его лодыжки. Он едва не заорал от страха и неожиданности, резво взбрыкнул ногой, освободившись, рванул вперед, уже не обращая внимания, на что наступает.

До земли было высоковато, но он прыгнул вниз не медля ни секунды. Пижонские туфли не лучшая обувь для по-

добных трюков – подошвы полыхнули огнем, в глазах помутило от наворачивающихся слез. Быстрее – надо быстрее отбежать подальше. Самолет должен был лететь еще около двух часов, топлива оставалось немало, если сейчас все это рванет... Пошатываясь, он поспешно заковылял вдоль наполовину оторванного крыла, перед подозрительно шипящим двигателем притормозил, опасливо обошел его по широкой дуге. В ногах мышцы будто ватой подменили – бежать Андрей не мог. Левее и вроде бы впереди ковыляли другие пассажиры – значит, не он один сумел выбраться. Блин, а ведь многие остались там, внутри, среди этих завалов из кресел и обшивки, покалеченные или зажатые в ловушках авиационных руин. Если самолет вспыхнет, им хана. Но даже мысли вернуться назад не возникло. Чем он им поможет? Сам еле шевелится – назад ему точно не забраться. Да и погибнет без толку, никому он там помочь не успеет. Пусть спасателей ждут. Если повезет, дождутся...

Отойдя от крыла шагов на двадцать, он остановился, устало обернулся. Смерть будто дожидалась зрителя – над изломанным фюзеляжем взмыло облако густого дыма, из пробойны в основании крыла вынеслось пламя. Обреченные пассажиры, не успевшие вырваться, закричали хором – это было так ужасающе, что хотелось заткнуть уши. Не выдержав этого многоголосого призыва о помощи, Андрей рефлекторно шагнул к самолету, но тотчас отшатнулся – в лицо ударила волна столь жуткого жара, что на голове начали трещать

волосы.

Растерянно оглядываясь, он не увидел ни толп спасателей, ни пожарных, ни вообще каких-нибудь следов аэропорта. Он вообще не понял, куда попал – идеально ровное буроватое каменно-глиняное поле. Нечто подобное иногда в фильмах про пустыни показывают. Вдали виднеются россыпи каких-то низеньких сараев, похоже, глинобитных, за ними поднимается огромная спаренная пирамида с двумя плоскими вершинами.

Да куда их вообще занесло??! Египет, что ли??! Это как так может получиться??!

От сараев быстро приближалась группа людей. Кто бы они ни были, они помогут – крики заживо сгорающих людей за спиной не утихали. Андрей поднял руку, неуверенно помахал, подзывая к себе этих «египтян». Ведер с водой у них он не замечал, но видел, что некоторые тащат какие-то палки, очевидно, пожарные багры. Сейчас они помогут...

Волна жара достала его и здесь. Вжимая голову в плечи, Андрей попятился прочь. Проковыляв несколько шагов, не выдержал, обессиленно опустился на колени. Что с ним? Неужто ранило? Или просто удар при посадке сказывается? Хлипким его не назвать, а ведь вон как развезло... Может, от сильного стресса? Страх все силы выжал? Да вряд ли, он даже не крикнул ни разу, хотя от крика сейчас заходились даже те, кто успел выбраться. Их можно понять – зрелище не из приятных... Только почему это все они с ужасом смотрят

не на горящий самолет, а в противоположную сторону?

Андрей, подняв голову, уставился туда же – в сторону сараев. Местные «спасатели» со своими «баграми» были уже близко. Разглядев их, он распахнул рот так широко, что едва не порвал уголки губ, и заорал так громко, что едва не оглушил себя своим же криком.

* * *

– Дрю, ну че ты орешь?! Сейчас опять это чмо ушастое припрется и накостыляет всем по самое не могу. И все из-за тебя.

Андрей, выдравшись из паутины кошмарного сна, стряхнул с лица приставучие соломинки, медленно приподнялся. Сквозь щели ветхого сарая уже пробивалось предрассветное сияние, освещая десяток узников. Возможно, орал он и сильно, но вроде все спят – не перебудил народ. Лишь Гнус, как обычно, чем-то недоволен. Он вообще хоть спит когда-нибудь или вечно караулит спящих на предмет криков?

– Извини, – устало произнес Андрей.

– Муть опять снилась?

– Да... как всегда... Опять снилось, как мы сюда грохнулись.

– И че?

– Да опять как на самом деле все было. Не полностью, конечно – каждый раз иначе все снится. Но конец, как всегда,

выходит одинаковый: вылез нормально и... В общем, этих увидел и орать начал. Все тогда орали, помнишь, наверное.

– Ясен пень. Я тогда тоже глотку чуть не порвал в трех местах. А сейчас-то чего орешь? Считай, уже два года на них любишься каждый день – давно пора бы привыкнуть к местным нефотогеничным мордам.

– Так во сне все не так, как наяву. По-другому видишь. Иначе совсем все воспринимается, – нехотя оправдался Андрей.

– Дрю, тебе, блин, рот надо на ночь затыкать – в неделю раза два стабильно будишь всех своими воплями! Будто рожает, блин! Да еще и от этих достается из-за тебя! Они крик не любят, считают, наверное, что мы деремся, а за драки тут принято лупить.

– Кого я сейчас разбудил? Вон спят все. Тебя? Так ты вообще не в счет.

Гнус, обидевшись, зашелестел прелой соломой, пытаюсь совместить две несовместимые вещи – закопаться в тонкий слой поглубже, но в то же время не добраться до утрамбованной земли.

– Дрю, да просто я рядом лежал, вот и толкнул тебя. Остальным в лом вставать тебя успокаивать. Сон-то у всех крепкий – хоть пушкой буди.

– Ладно, я же уже извинился. Спи давай.

– Какой спи? Сейчас на кормежку погонят. Слышишь, по котлу уже вроде бы скребут. Опять сейчас своей знаменитой

мегакашей пичкать будут.

– Халва... Чтоб их... как же она уже достала... Гнус, так вроде же с вечера не заваривали? Или варят?

– Не, дыма нет, очаг не разжигали. Значит, без кипятка – холодной залили. Еще хуже выходит. Слышь, Дрю, а чем тебя там, в самолете, кормили? Ну во сне?

– Не помню. Вроде бы ничем не кормили.

– Должны были покормить.

– Ничего никто мне там не должен – это же сон. Да и, может, не помню – я сны плохо запоминаю. Напитки разносили... это хорошо помню...

– И че ты там заказал?

– Сок. Томатный. И эта цыпа к тому же принесла теплый. Полное впечатление, что пил обычную местную мочу – как всегда. Даже во сне не везет...

– Сок?! – Гнус обидно хохотнул. – Ну ты и лох! В билете же не указывают, кому что пить, за все уплачено сразу. Брать надо то, что подороже и посерьезнее. Я минимум водяру заказывал бы.

– Ну я за тебя искренне рад. А по мне так лучше сок выпить, чем непонятно из какой бочки налитую водку, да еще и без закуски.

– А ты конфетки бери, что перед взлетом дают. Накатил глоточек – и конфетку сразу. Хорошо-о-о-о-о. Сладенько. Хотя если конфетка с кислинкой, то лучше к такой брать коньяк. Коньяк, конечно, можно и так хлебать, но с лимон-

чиком или конфеткой гораздо вкуснее получается. Можно еще оливкой его закусить или маслиной. Грибочек тоже ничего, маринованный. С грибочком, особенно если это груздь, можно и водочки пузырь легко придавить – с груздем даже паленка как дистиллированная роса пойдет. Все эти огурчики-помидорчики полный отстой, груздь – это тема во! Чесночка если еще раздавить к нему зубок, так и занюхивать классно выходит – от одного запаха сразу слюны полведра выступает и...

– Гнус, заткнись, пока мы тебя в своей слюне не утопили, – раздраженно донеслось из противоположного угла сарая.

– Угу. С раннего утра, гад, слипшиеся кишки дразнишь, – отозвались уже поближе.

– Это вам, барачным дистрофикам, тока на пользу – перед завтраком вам слюноотделение увеличиваю, – мгновенно отмазался Гнус. – Васильевич, вечная ему память, говорил, что местную халву без этих... как его... ну, мол, не усваивается без них жрачка вообще. Забыл...

– Ферментов, – угрюмо подсказал Андрей.

– Во! Точно! Без ферментов! Он говорил, что эти недоваренные крупы пережевывать надо получше, чтобы хорошо все перемешалось со слюной. Тогда, мол, усваиваются лучше и полностью. А без этого можно вообще не жрать – так и вылетает через дно непереваренным. Прапор вон жрет халву вообще не жуя, так я раз на его кучу посмотрел и чуть не зарыдал: можно опять лопать – что зашло, то и выпало. Зерна

там всякие, травки – все лежит целое.

Прапор от желудочных разговоров тоже проснулся и голос подал немедленно:

– Мля, ну и наблюдательный же ты у нас! В следующий раз, как на дальняк пойду, тебе крикну – беги сразу следом и миску не забудь захватить с ложкой. Язва у меня! ЯЗВА! Жуи не жуи, а не переваривается у меня эта параша. Сам не знаю, почему не сдох до сих пор! Меня горячим кормить надо! Умник нашелся...

– Да ладно, Николаич, не обижайся. Тут все больные, у каждого свое...

– Язык у тебя больной. Всех перебудил.

– Так это не я, это Андрюха опять крик поднял. Я его сразу растолкал, а то было бы как в прошлый раз.

– Не знаю как там Андрей, я его не слышал. А вот твоя метла метет будто электрическая.

– Во-во! – опять из угла отозвался Лысый. – Тебе, Гнус, язык отрезать – всему коллективу огромная польза будет. Да еще и Прапору радость получится – бульончик язвеннику из языка наварим. Язвенникам бульон первое лекарство.

– Ну спасибо, нашли позитивную тему! Чуть что, так сразу Гнус!

Обидевшись на весь белый свет, Гнус завернулся в солому с головой. Андрей, поняв, что засыпать уже бессмысленно, уселся, принялся пятерней вычесывать мусор из спутавшихся волос. Голова чесалась немилосердно – будто миллиард

вшей завелся. Паразитов, к счастью, здесь не было, да и вряд ли насекомые поселятся на шевелюре, которую уже два года не мыли, – побрезгуют. Хорошо кошкам, эти заразы вообще без водных процедур обходятся. А человеку куда деваться? Народ в сарае уже не спал, но подниматься следом за Андреем никто не торопился. Ловят последние минуты дремоты перед подъемом, да и вообще, давно привыкли без нужды лишний раз не шевелиться – меньше сил уходит.

Прапор, он же Прапорщик, или попросту Виктор Николаевич, самый старый из обитателей сарая, видимо, жаждал общения. Внимательно наблюдая за тем, как Андрей пытается привести шевелюру в порядок, он поинтересовался:

– Чего это у тебя лицо стало такое задумчивое? Андрюш, какая-то у тебя нездоровая печаль. Сны плохие опять достают?

– Да не, Николаич, нормально все. Задумался я просто. Разной ерундой голову забиваю. Лишь бы о пожрать не думать.

– Это да, а то все разговоры вечно крутятся вокруг этой злободневной темы... А о чем же ты сейчас думал? Уж сильно серьезное лицо у тебя было, будто у профессора.

– Да ни о чем... так... Вот смотри: у нас тут одиннадцать человек осталось.

– Девятнадцать. Еще восемь баб в своем сарае.

– Их не считаю, я про наших только. Вот есть среди нас хоть один, кто в тюрьме или зоне сидел?

– Хач сидел, и сидел серьезно. Он вечно законника из себя строил, хотя по жизни шестерка явная; Нос тоже срок отмотал, правда, по мелочи вроде бы, да и пальцы вообще не гнул.

– Носа при запуске убило, при самом первом, месяца через два, как мы сюда попали. Шар тогда накрыл дно карьера, в котором он прятался. Хач тоже еще первой зимой простудился и сгорел от жара. Я про тех, кто сейчас остался.

– Не, вроде нет таких. Может, правда, Киркоров наш сидел. Он-то о себе мало рассказывает.

В сарае дружно захохотали все обитатели, даже Киркоров изобразил нечто похожее на радостную улыбку. В день, когда они сюда попали, при неудачной посадке самолета бедняге не повезло. Он выжил, несмотря на изуродованную шею, но голоса лишился. Вероятно, повредило голосовые связки – раны у него тогда были серьезные, непонятно, как вообще копыта не отбросил. В общем, дар речи у него был потерян полностью – никто с того дня от него не слышал ни единого слова. Надо сказать, это не мешало ему занимать в коллективе уважаемое положение – несмотря на пережитые ранения, он, пожалуй, был самым выносливым и сильным из уцелевших. А то, что при всех своих несчастьях он не потерял чувство юмора, лишь добавляло ему уважения. Что с юмором у него все обстояло в полном порядке, выяснилось в один из первых дней, когда ныне покойный Хач агрессивно поинтересовался у кашляющего кровью чуть живого пассажира, как его следует называть:

– Эй, ты, с золотым голоском: ты там живой еще? Тебя как звать-то?

Тот, с трудом приподнявшись, расчистил солому с пола, веточкой на земле нацарапал «Киркоров». У назойливого Хача больше вопросов не было.

Насколько Андрей помнил, это была первая шутка в истории их злключения – до этого ему здесь не доводилось вообще смех слышать, а уж дружный смех и подавно.

Правда, сам Андрей ни разу так немного не называл, только коротко – Кир. Да и не только Андрей.

Прапор между тем не унимался:

– А чего ты о сидельцах спрашивал?

– Да так... Вот посмотри сам: среди нас уголовников, получается, вообще нет. И не было, если не считать Хача, да и тот бледная карикатура на карманного воришку. Ты, Николаич, механик хороший, специалист по тяжелой технике, по сути, офисный механик, летел разбираться по рекламациям на бульдозеры. Я электронщик изначально, а потом бизнесмен мелкосредний – с криминалом дел никогда не имел. Гнус наш вообще студент-гуманитарий из университета, а Декан и есть декан – из строительного института. На кого ни посмотри, все, как один, приличные люди. Но по сути все мы сейчас сидим уже второй год. Наши надзиратели с нами не общаются, модели поведения не навязывают. Им лишь бы мы работали и не убегали, ну за драку еще могут поколотить. Вот и все их требования. Уголовников среди нас тоже

нет: «воспитывать» на уголовный лад нас некому. И что мы имеем в итоге? Мы дружно стали закоренелыми арестантами или, по крайней мере, пытаемся ими казаться. Переняли жаргон, терминологию, образ мышления – и все это без малейшего внешнего давления. И без причин. Вот принято так себя вести за решеткой, вот и ведем себя так. И причем в массе ведь мы люди неглупые, понимаем, что бред это. Со стороны послушать некоторые наши разговоры, так чуть ли не извиняемся друг перед другом за этот спектакль. Я уж молчу о том, как фальшиво иногда выходит. Странно слышать, допустим, от интеллигентного редактора иллюстрированного журнала фразы в духе: «Господа, как только эти носилки дотащим, я сразу на дальняк рвану, а то рыжий друг мне прямо здесь очко рвать начнет».

– Угу, – кивнул Прапор. – Вот и пойми, что было первым – яйцо или курица. Мы ведь первоначально друг друга по именам, а то и отчества звали. А теперь?

Гнус, не выдержав, высунул голову из соломы, зловеще ответил:

– А теперь начнем в петухов народ определять. Правда, Дрю?

– Ты, сладенький, первым и определишься, если еще раз утром всех перебудишь не по делу, – буркнул Прапор. – Так что, студент, учись кукарекать. Андрей, я вот еще до ЭТОГО читал где-то, что опыт был такой, социологический вроде бы. Взяли кучу студентов: часть называли охранниками,

часть заключенными. Заключенные сидеть должны в камерах, охранники водят их в столовую или еще куда. Никаких требований к поведению не было, им только определили названия ролей и мелкие условия режимные. В итоге охрана начала вести себя не хуже ментов-передовиков: с постоянными шмонами и карцерами за неубранный огрызок яблока, а заключенные ударились в отрицалово, пытаясь по-всякому ломать режим. Заметь, никакого принуждения не было – сами. Лучшему другу готовы были руки заламывать. Видимо, и с нами что-то подобное... Гнус, чем трещать не по делу, глянь-ка, что там за подозрительная тишина снаружи. Уже рассвело давно, а нас никто не поднимает, да и обстановка какая-то нездоровая... уж больно тихо...

Гнус без комментариев выбрался из соломы – очевидно, и самому было интересно. Добравшись до дверей, он изучил обстановку через все доступные щели с этой стороны. Затем, перебравшись в угол, цепляясь за выбоины в стенах, добрался до крыши, ухватился за стропило, протиснулся к узкой дыре – самому большому «окну» сарая.

– Вот блин! Котел вижу – закрытый стоит на треноге. И рядом с ним вообще никого.

– Как – никого? – опешил Прапор. – Солнце уже поднялось, давно должны кормить начинать.

– Может, у них будильник не зазвонил, – несмешно пошутил Гнус. – О! Чубака топает, а с ним еще и Корявый. И дистрофиков за ними целая куча прыгает. Один мохнатый

потопал к бабам, второй к нам рулит. Все, сейчас точно пожрать дадут.

– Странно... сильно опаздывают. Как бы опять не началось, – протянул Андрей.

– Не накаркай, – нервно проговорил Прапор.

С грохотом распахнулась дверь, здоровенный рыжий урод приглашающе взмахнул секирой. Андрей не мешкал – вышел сразу за Гнусом. Этого шустрого студента никому не перегнать, пожрать он всегда бежит первым. Проходя мимо молчаливого надзирателя, брезгливо повел носом, сплюнул – гориллообразный гигант чуть ли не на гектар благоухал. От них и самих сейчас несет так, что одеколон на коже кипеть будет, но до этой твари им очень далеко.

Надзиратель и глазом не моргнул. Скорее всего, для него просто непостижим смысл этого оскорбительного жеста Андрея.

Поселение, в которое они попали после авиакатастрофы, было очень маленьким. Полтора десятка полуразвалившихся больших и малых сараев, раскиданных без какой-либо системы. На северной окраине серия глубоких ям, из которых доставали глину, за южной поднимается спаренная пирамида. Если не учитывать масштаб пирамиды и ям, то можно считать, что центр местного очага цивилизации располагается на маленькой площади, окруженной постройками. Здесь стоит единственное оборонительное сооружение – башня. Весьма ветхая, для защиты поселения приспособлена слабо,

да и не используют ее уже – стоит себе, разваливается потихоньку. Если откровенно, нечего там использовать – выжгло ее при одном из неудачных запусков. А вот огромный очаг рядом с ней, наоборот, сверхпопулярен – можно считать, что центр цивилизации располагается именно в нем.

Женщин уже привели. Несмотря на то что без женской ласки Андрей обходился уже почти два года, ни малейшего вожделения при их виде он не испытывал. Интересно, если бы та красотка, что сидела перед ним в самолете, не погибла, как бы она сейчас выглядела? Сумела бы держать в идеальном порядке свою великолепную прическу? Крайне маловероятно... Шампуня здесь не было. Мыла тоже. Здесь вообще ничего не было, кроме песка, камня, глины и чахлой травы. С водой тоже не все просто: единственный ее источник располагался на дне самого большого глиняного карьера, в сотне метров от поселка. Вода мутная, скорее даже не вода, а жидкий глинистый раствор. Оттуда пили и люди, и аборигены, также там они смачивали куски глины в носилках, перед тем как вытаскивать их на площадку. Гигиена у аборигенов была на нулевом уровне – они зачастую гадили по берегам, а то и в само озерцо. Когда люди столкнулись с первыми вспышками кишечных заболеваний, проблему чистоты воды начали решать кипячением. Охрана не возражала, когда они натаскивали степной бурьян к котлу, но не разрешала оставлять в нем воду на ночь – выливали на землю, засыпая котел зерном и травами. Выжившие пассажиры в сараях отводили

места под хранение стерильной влаги – делали углубление в соломе, застилая его пластиком. Пить эту теплую жижу было противно даже зимой, но другой воды не было.

Вопрос о личной гигиене при такой ситуации с водой и вовсе никого не тревожил – гигиены здесь не существовало. Максимум – соломинкой почистить зубы. Два года без ванны, без косметики, без парикмахера, без туалетной бумаги и прокладок. Нудная тяжелая работа в пыли, на солнцепеке. Зимняя ночная стужа, когда снег залетает в щели сарая и находит твоё тело даже под слоем соломы. Постоянный стресс, сжигающий нервы. Отвратительная пища и не менее ужасная вода, отсутствие витаминов и самых элементарных лекарств, изорванная одежда, превратившаяся в грязное тряпье.

Женщины превратились в жутковатых мегер.

Даже это не мешало мужчинам громогласно строить планы по покорению «женского барака». Пустая болтовня – дальше слов ни у кого смелости не хватало. Андрей на обоняние не жаловался и уже сам не мог точно сказать, от кого же воняет сильнее – от женщин или от аборигенов.

Гнус первый ухватил свою порцию, моментально юркнул в сторону. Андрей вытянул руки, сердце забило в два раза быстрее, гулкие удары отдавались в ушах. «Адреналиновый миг»: корявые лапы раздатчика, поросшие редкими пучками грязной щетины, прибор несовершенный – размер выданной порции мог варьировать в широких пределах. Сколь-

ко этот гад зачерпнул – все твое. В ладони упал комок сырой халвы – смеси из размоченных зерен степных злаков, какой-то непонятной крупы, трав, корешков, кусочков вяленой рыбы, волокон мяса непонятного происхождения и вроде бы толченых орехов и грибов. Все это приправлено плесенью, грязью и песком. Вкус соответствовал описанию – редчайшая гадость. А куда деваться: в местном меню всего два вида блюд – халва вареная (варится с вечера, раздается поутру, обычно с кучей мух, успевающих влипнуть в теплую поверхность) и халва моченая (котел засыпается ингредиентами с вечера, к содержимому добавляется грязная вода, утром размокшая клейкая масса раздается голодающим).

Пайка ему досталась средняя. Он не сильно огорчился – главное, что не маленькая. Добавки здесь не практикуются. Отойдя к южной стороне башни, присел, прислонился спиной к стене. Камень прохладный – нагреться на рассветном солнце еще не успел. Сойдет и так.

Свою порцию Андрей пережевывал не спеша. Те, кто слишком рьяно глотал свои пайки, вымерли еще в первый год. Врачей среди пассажиров не было, но, судя по симптомам, это было похоже на аппендицит. Так что спешить не стоит, да и не следует забывать советы покойного Васильевича по поводу благотворного влияния слюны на процесс переваривания грубой пищи. Пока все не поедят, никого на работу не погонят. Сорок девять аборигенов и девятнадцать выживших пассажиров питались из одного котла – насчет еды

здесь равенство полное. Да и насчет остального в принципе то же самое – одинаковая работа, одинаковое отсутствие гигиены, даже сараи у них одинаковые и спят на такой же соломе. Аборигены даже в очереди к котлу стоят наравне со своими пленниками – кто первый к раздатчику прорвался, тот первый и получит свою порцию. Раздатчику без разницы кому давать – человеку или лысоватой обезьяне. У аборигенов одна привилегия – у них есть оружие. Дротики и топоры у дистрофиков, стальные секиры у горилл. Но пока человек работает и пока не пытается покинуть территорию поселка, оружие ему не угрожает. Да и в случае нарушений убивать не торопятся – начинают «воспитание» с предупредительных побоев.

Лысый, присев рядом с Андреем, уточнил:

– Ты сегодня на носилках с утра будешь?

– Ну да, если туда погонят.

– Обух с тобой не пойдет, он захромал что-то сильно. Вон сам посмотри.

– Нога так и гноится?

– Угу... Нельзя ему сейчас на носилки. На замазке побудет сегодня, а там посмотрим.

– Давай тогда Кира ко мне в пару.

– С ним тебе неудобно будет, он ведь тебя выше сантиметров на двадцать.

– Про двадцать ты маленько загнул. Но с Обухом, спорить не буду, гораздо удобнее. Мы с ним сработались неплохо.

- Кроме Киркорова, с тобой никто долго не выдержит. Ослабли мы все. Ты, Кир и Обух самые крепкие у нас сейчас.
- Да знаю я... что ты мне рассказываешь...
- Давай до обеда с Кирей натаškai побольше комков. Потом я с Гнусом потихоньку дотаскивать буду, а вы на замазке отдохнете.
- А что у Кира с обувью?
- Прапор ему пластик наплавил новый на подошвы, не должны развалиться.
- Смотри, там на спуске обувь рвется влет. Если останется без «колес», труба будет.
- Не должно. Боты у него немногим хуже твоих. День точно протянут, а там, может, Обуху получше станет.
- А если Обуха боты Киру сегодня передать?
- Не, так не пойдет, у Киркорова лапы размера на три больше. Ему можно детские ванны вместо калош носить... баскетболист наш... А чего это наши охраннички не торопятся? Пожрать всем раздали, а не шевелятся... Чего это они? А?
- А я откуда знаю? Раз они не торопятся, то и мы не будем вперед бежать.
- Да это само собой. Просто интересно... У них же всегда каждый день одинаковый...
- Вон Чубака дожевывает свой навоз, сейчас начнется.

Из сорока девяти аборигенов восемь принадлежали к расе орангутангов-горилл, сорок один – к дистрофикам. Первых звали по кличкам, каждому подобрали свою. Несмотря на внешнюю идентичность обезьяны отличались друг от друга индивидуальными признаками и манерой социального поведения. Чубака – самый заросший из соплеменников, с настоящей бородой из густо растущих длинных щетинок, с мутными глазами, сверкающими из-под чудовищно мохнатых бровей. Обычно именно он назначает пленникам фронт работ, да и остальными аборигенами вроде бы командует. Корявый – этот, наоборот, лысоват, к тому же левое колено у него изуродовано, нога до конца не разгибается – от этого он вечно перекошен на левый бок. Обычно он по вечерам загоняет пленников в сарай, а утром открывает им двери. Жмот – одноглазый, по виду очень стар, щетина почти вся поседела, кожа на доспехах прогнила, и ему приходилось скреплять деревянные детали какими-то сомнительными веревочками. Жмот был бессменным раздатчиком пищи.

Дистрофикам кличек не давали. Мало того что они будто под копирку созданы, так еще и в дела пленников обычно не лезли. Правда, в случае побега именно дистрофики немедленно кидались по следам беглецов. Уйти от них нереально – скорость ходьбы у этих тварей равна скорости легкого бега

у человека. Сутки – больше никто за пределами поселка не продержался. Лишь Киру однажды удалось побегать подольше, да и то лишь потому, что охрана поздно узнала про побег. Пойманных беглецов дистрофики приводили обратно, здесь их для профилактики могли жестоко отлупить обезьяны, но могли и не жестоко. После наказания бедолаг опять приставляли к рабскому труду. Поначалу бегали часто, но сейчас уже с год никто не дергается – поняли, что это бессмысленно. Даже Андрей утихомирился – шесть попыток на его счету. Больше только у Киркорова – тот до сих пор пытался сдернуть чуть ли не ежемесячно и никто уже не мог точно сказать, сколько раз за ним гонялись прыткие дистрофики.

Вот и сейчас, заметив, что Чубака доедает свою пайку, Андрей безошибочно определил – сейчас начнется. Все приказы от него.

Андрей не ошибся. Чубака вытер ладони о стену башни, повернулся к ближайшим пленникам, требовательно взмахнул лапой, не оглядываясь, пошел в степь. Странно... ямы же в другой стороне, да и не разделили их. Но приказ – это приказ – и люди и аборигены потянулись за главарем.

Андрей недолго гадал, что им сейчас предстоит. Всего видов работ здесь было три. Ежедневно большая часть обитателей поселка занималась доставкой к пирамиде носилок с глиной, подсохшими фекалиями, золой, известняковым щебнем, травой. Там все это «добро» складывалось в ку-

чу, оттуда его потом перетаскивали в глубь пирамиды, но этим занимались только аборигены-дистрофики. Если умирал пленник или абориген, тело тоже оттаскивали к этой куче. Изредка к поселку приходили караваны тележек, запряженных странными гуманоидами – будто бочки с короткими мускулистыми конечностями и микроскопической головой. На тележках привозили мешки с сухой халвой, битум, остро пахнущую смолу, напичканную металлическими стружками, каменный уголь и какие-то вонючие склизкие клубни, колыхавшиеся будто живые. Продукты и битум шли в поселок, клубни, смола и уголь исчезали в недрах западной половины пирамиды. Назад, куда-то на север, тележки понемногу перевозили обломки самолета. Видимо, до авиакатастрофы они вообще порожняком возвращались.

Второй вид работы – нивелирование «стартовой площадки». Так пленники называли ровную пустошь, тянувшуюся южнее пирамиды. В длину она вытягивалась примерно на полкилометра, по ширине была не меньше сотни метров. Именно на нее пилоты посадили самолет. Обломки машины потом неделю убирали совместными усилиями пленников и аборигенов. На стартовой площадке все должно быть идеально гладким. Если день был не дождливым, то десяток-другой рабочих с утра до вечера ползали по ней на коленях, заделывая найденные щербины и неровности смесью из глины, песка и битума. Эти заплатки Чубака лично заравнивал тяжелым каменным катком.

Сегодня, очевидно, предстоит третий вид работ – сбор степных растений. Этим также занимались практически ежедневно – костру нужно топливо, а пирамиде сено. Но обычно здесь задействовалось две-три группы по три-четыре пленника или аборигена. Всех одновременно гоняли нечасто – Андрей по пальцам мог пересчитать такие случаи.

Все необычное пленников всегда пугало... Неужто опять запуск? Нет, только не это...

Запуск – это местный кошмар. Самый страшный кошмар. Ужасающий в своей нелогичности, жестокости и полнейшей непонятности. Все, что связано с запуском, в разговорах людей своего рода табу – про него предпочитают помалкивать. Если кто-то его настойчиво упоминает, то немедленно оказывается в положении вульгарного матерщинника, ухитрившегося в костюме извращенца заявиться на лирический вечер духовной поэзии. Но если на подобном мероприятии ему грозит лишь моральная обструкция, то здесь могут и в глаз дать.

Не любят пленники напоминаний о самом страшном кошмаре этого мира. Единственное исключение – день запуска. Не весь день, а только после события. Тогда его обсуждать можно свободно. Бояться уже нечего: двух запусков в один день не бывает – это люди безошибочно осознали еще в первый раз.

Пережить такой кошмар два раза за день не получится – не хватит ни сил, ни нервов.

Колонна миновала дальнюю оконечность полосы. Здесь людям приходилось шагать осторожно: вся растительность вырезана под корень – развалившаяся, латаная-перелатаная обувь защищала ненадежно. Ноги были очень недовольны контактом с сухими пеньками степных трав и кустиков. Кроме того, повсюду громоздятся кучи обломков самолета. Когда их вытаскивали с полосы, всю местность вокруг усеяли осколками стекла, металла и пластика. Обух примерно неделю назад ухитрился загнать здесь в ногу алюминиевый треугольник с зазубренными краями. Вытащить его было непросто, а рана потом сильно воспалилась, и ему с каждым днем становилось все хуже. Лечить ногу нечем... Жаль, Обух на вид не кажется крепким, но силен и вынослив.

Был...

Чем дальше отходили от поселка, тем легче становилось идти. Бригады сборщиков травы здесь свирепствовали гораздо реже, так что обрезки стеблей ногам почти не угрожают. При каждом шаге в разные стороны разлетались толпы кузнечиков. Их здесь было настолько много, что среди пленников постоянно муссировались голодные идеи наловить их побольше и зажарить в котле. Пока что реализовывать не пробовали. Максимум на что сподобились – слопали несколько ящериц и одного суслика. Этой живности было здесь так мало, что серьезным подспорьем в рационе людей они стать не могли. Серьезная живность приближаться к поселку не желала, но вдали от него ее хватало. Во вре-

мя своих побегов Андрей в этом убедился. Да и отряды дистрофиков нередко уходили поохотиться, приносили зайцев и здоровенных птиц, похожих на маленьких страусов. Изредка им доставались и приличные животные – длиннорогие рожковатые козы. Дичь измельчалась и шла добавкой к халве. А жаль, любой пленник полжизни бы отдал за хороший кусок проваренного мяса. А если оно при этом будет еще и соленым, то хоть сразу убивайте.

Чубака внезапно остановился, наклонился, ухватился за зеленый стебель степного бурьяна, вырвал растение из земли с корнем, бросил его перед собой. Это было сигналом к началу работы.

Присев на пятачке с буйной растительностью, Андрей достал из кармана узкий обломок стекла с залитым расплавленным пластиком основанием. Ухватив пучок травы, он этим примитивным ножом подрезал ее у корней, сложил в кучку. Против подобных орудий труда аборигены не возражали, хотя за найденный кусок металла могли жестоко отлупить древками дротиков и секир.

Теперь весь день люди будут резать траву своими убогими орудиями. Когда наберется приличный стожок, Андрей потащит его к общей куче, расположение которой указал Чубака. Когда возле главного надсмотрщика наберется приличная копна, дистрофики начнут перетаскивать добычу в поселок – для этого они прихватили огромные кожаные мешки. Производительность труда здесь удручающая – много травы

не набрать. Почти вся добыча уходит в пирамиду, оставшегося топлива едва хватает, чтобы накипятить немного воды для питья. Даже халву частенько едят недоваренную или вообще замоченную.

Пару раз в месяц в степь уходит отряд из десятков аборигенов и пленников. Они отправляются далеко на запад, путь занимает несколько часов. Там, добравшись до глубокой балки, рубят кусты и даже мелкие деревца, назад тащат вязанки отменного хвороста. Это топливо складывают в отдельный сарай и обычно используют лишь зимой, для обогрева жилищ пленников и аборигенов. Нельзя сказать, что в развалюхах становится гораздо теплее от скудно снабжаемого очага, но хоть веселее, да и запах дыма перебивает тяжелую вонь от немытых тел. Людям, попавшим в такую «экспедицию», дико завидовали. Там, на дне балки, можно было напиться вволю из ручья – вода чистейшая и холодная. Там же, бывало, попадались сочные стебли дикого лука, а в начале лета можно собирать крупную землянику. Осенью терпкий терн, боярышник, барбарис, шиповник, сладкая или горькая рябина, бузина, бывало, и орехи попадались. Охрана, конечно, не даст наестся вволю, но хоть что-то перепадает.

От гастрономических воспоминаний рот начал наполняться слюной. Проклятье, что ж ему сегодня так жрать хочется?! Вроде пайку себе неслабую урвал, да и позавтракали буквально только что – сыт вроде бы... Нет, именно при вос-

поминаниях о ягодах желудок рыдать начинает. Видимо, витаминов не хватает... Плохо, что Чубака народ на горке поставил, в низине, бывает, щавель попадает, пожевать хоть можно.

Монотонная работа не мешала погружаться в мир воспоминаний, но при этом Андрей из реальности не выпадал – за обстановкой следил внимательно и сразу расслышал шипящий, зловещий звук, накатывающийся от поселка. Не вставая, обернулся, увидел, что основание западной половины пирамиды утонуло в клубах пара, струями вырывающихся из нее.

Вот и накликал – о таком не зря, наверное, люди предпочитают помалкивать. Выходит, и думать про это тоже чревато неприятностями. Стоило только о нем подумать, и вот он – приветствуйте.

Привет, запуск.

Глава 2

Рейка послушно вошла в паз. Слишком свободно – это нехорошо. Должна с натугой заходить – под аккуратными ударами киянки, тогда крепче держаться будет. Не рассчитал немного. Пилу потоньше надо – вечно лишнее прихватывает. Ну уж какая есть. Инструментов сейчас хватает, не первый год уже здесь, но до земных им зачастую далековато. Ну и ладно, он делает полку для кухонной утвари, ей слона выдерживать не надо, так что зазоры вполне допустимы. Да и гвоздей у него полный туесок, всех размеров. Можно не экономить – в центре катастрофы стальной проволоки хватит планету по экватору обернуть, а уж сколько из нее гвоздей можно нарубить, страшно подумать. Да и свою подходящую проволоку кузнецы рано или поздно тянуть научатся в массовом порядке. Штамповку уже давно освоили, так что в таких несложных предметах, как гвоздь, недостатка никогда не будет.

Олег не спеша выбрал короткий гвоздик, приставил к рейке, размахнулся молотком. В этот миг дверь избы резко распахнулась. Если бы Олег не стал суетиться, все бы обошлось, но он отвлекся, дернулся, попытался остановить полет инструмента, но не успел – огрел себя по кончику большого пальца.

Пацан, выросший на пороге избы, звонко выкрикнул:

– Вам там новые камни привезли!

Олегу пришлось приложить колоссальные усилия, чтобы не нагрузить уши мальчика набором слов, произношение которых при детях не рекомендуется. Разрядился вполне безобидно:

– Уф!!! Шшшшшшшшшш!!! Ах ты!!! А стучаться кто будет?!

Пушкин, что ли?!

– Так я думал, что вы не услышите! Вы ведь с утра тут гвозди забиваете. И вообще, я спешил очень вам все рассказать!

– Что за камни?

– С севера лодка пришла, из Измаила.

– Ясно. От Монаха, значит. Новые гостинцы передал...

– Можно, я сам сперва камни посмотрю?

– Мал еще.

– Я же хорошо запоминаю! Вы же сами это говорили!

– Вот когда не хуже, чем я, начнешь разбираться, тогда, может быть, подумаю. Вас я учу пока определять на глаз самые простые минералы, которые трудно перепутать с чем-либо другим. Но это, считай, детский сад. Большинство минералов и пород определяются по совокупности признаков. Вот, сейчас покажу...

Олег поднялся, пошарил на полке с образцами, выбрал папочку, протянул пацаненку.

– Что это, по-твоему, за минералы?

– Вы меня обмануть хотите! Это ведь один и тот же мине-

рал! Это гематит, у нас из него железо выплавляли раньше, до того как центр катастрофы нашли. Да и сейчас немного плавят.

– Ты ошибаешься. Вот это действительно гематита штуф, а вот это галька магнетита. Тоже железная руда, но минерал другой, и происхождение у него другое.

– Так ведь они похожи очень! Как я могу отличить?

– Легко. Смотри.

Олег достал с полки плоскую плитку светлого песчаника, с силой провел по нему куском гематита.

– Видишь? Рисует красную черту.

– Ага. Сам черный, а рисует красным.

– А вот еще смотри.

Олег приблизил магнетитовую гальку к гвоздику на полу, тот охотно покатился к камню.

– Видишь? Магнитные свойства хорошо проявляются. Вот это еще один дополнительный признак. И таких признаков множество – их набор присущ каждому минералу. Вас я этому научу, только не все сразу. Вы пока только азы получать начали, а ты уже решил, что стал в нашем деле профессором. Нездоровый у тебя энтузиазм. Вот полезешь сейчас без меня в принесенных образцах копать, и от суеты своей перепутаешь прилагающиеся к ним таблички. И все – образец станет бесполезным. Люди повсюду собирают необычные камни – так приказал им Монах. К каждому камню привязывается табличка из коры, на ней пишется место наход-

ки, имя и фамилия того, кто нашел. Образцы собираются в ящики, когда их накапливается много, везут ко мне. Здесь я все изучаю и, если нахожу полезный, пишу письмо северянам, описываю им свои соображения и вкладываю табличку. Какой смысл будет во всей этой работе множества людей, если таблички ты перепутаешь? Да никакого. А вдруг там попадется ценная руда? Мы и знать не будем, откуда она. А все из-за того, что кто-то был настолько тороплив, что ему даже в дверь постучаться некогда. Беги давай, без вас я ящики раскрывать не буду.

– Так ведь лодка уйдет, они вроде бы ночевать у нас не собираются. Выгрузили свои камни и смолу, а теперь загружаются железом. Спешат. Вы до их отхода можете не успеть все рассмотреть.

– А я и не спешу. Северяне здесь часто бывают, да и наши к ним постоянно ходят – письмо отправлю без проблем. Камни спешки не терпят, их жизнь – вечность, так что денек-другой подождут. Беги уж, чудик, не переживай, без тебя не начну.

Малец наконец исчез. Олег вздохнул с облегчением. Идея с обучением детей и подростков была, разумеется, ценной, с прицелом на далекую перспективу, вот только педагогическим талантом наделены не все. У Олега он напрочь отсутствовал, а за последнюю неделю он и вовсе аллергии на недорослей заработал. Проще с хайтами рубиться, чем этих короедов чему-то научить. Учиться или не желают, или про-

являют при этом какой-то нездоровый энтузиазм – липнут к учителям будто репей, днем покоя вообще не дают. Учтивая, что жена вчера намекнула на вероятное пополнение семейства, и ночью покоя скоро не будет.

Делать колыбель? Или рано? Она же ни в чем еще не уверена. Женщины все же иной биологический вид – их не понять. Олег раньше был уверен, что они хоть в своем организме разбираются досконально, так ведь нет – ей тесты какие-то надо, чтобы точно убедиться. И где он эти тесты возьмет? Она сдуру намекает, что, мол, в центре катастрофы добра лишнего много, может, попросить народ покопаться на руинах аптеки – там поищут ей ценный медикамент. Ага, счас – соберет всех работяг и пошлет их за Нару, поискать там тесты на беременность. Интересно, что они ему на это ответят? А что принесут? В лучшем случае колесную пару от железнодорожного вагона. «Извини, начальник, в тестах мы не сильны, но зато вот железяку нашли очень ценную – тебе в хозяйстве пригодится. Лови на голову». Максу вон жена его сразу заявила, что скоро тот станет папой, и даже день события назвала. Хотя она у него местная, из кшаргов брал, от крестьян, которые от земли живут, а вот у Олега супруга земная, самая что ни на есть городская. Цивилизацией испорчена – двух лет на возвращение к природе маловато.

Нет, не будет он колыбель пока делать. Рановато. Да и полку эту до вечера отложит – наработался уже с мебелью сегодня. Надо все же сходить к пристани, проследить за ящика-

ми. Толку от этого проекта Монаха пока что немного – ценных месторождений вроде бы не обнаружили, но и совсем махнуть рукой на это дело некрасиво. Северный правитель может и обидеться. Он свято уверовал в великий геологический талант Олега, считает его лучшим рудознатцем, вот и затеял сбор образцов в своих владениях. Отказывать неудобно, да и много времени изучение не занимает. А если совместить исследования с обучением детворы, так и вовсе все довольны.

К пристани Олег пошел длинной дорогой. По короткой идти теперь выйдет дольше – там сейчас мостовую укладывают. Все завалено кучами булыжников, песка и глины. С мостовой Добрыня поторопился... Конечно, весной и осенью грязновато, но если конский и свиной навоз регулярно убирать и колдобины подсыпать песком, то нормально. Поселок расширяется и улучшается с каждым днем. Притока землян, конечно, давно уже нет, но кшарги охотно тянутся или просто беглые восточники. Местных берут охотно – отличные трудяги и не обременены лишними амбициями. Крестьяне – для них местные порядки рай земной. Лет пять спокойной жизни, и местных здесь станет больше, чем землян, но при этом они будут надежно ассимилированы. Хотя и свои обычаи, конечно, привнесут – от этого никуда не денешься. Но это не беда, главное – брать от соседа только полезное, а дурное пусть забывает перед тем, как войти в поселок.

Олег, погрузившись в свои думы, обошел наконец пере-

копанный участок, спрямляя путь, направился в узкий проход между складом и общей столовой. Здесь навстречу под-
вернулся упитанный поселковый поросенок. Олег их недо-
любливал – лезят повсюду, часто в дома забираются. Замков
нет, а этих тварей незапертая дверь не остановит. Несколь-
ко раз ловил их на горячем, учил потом уму разуму, гоняя с
поленом по поселку. Видимо, на зло у них память хорошая –
при виде Олега этот одиночка обреченно хрюкнул, попытал-
ся быстро развернуться в узком проходе, но не успел. Олег,
размахнувшись от души, футбольнул его в тугой зад с такой
силой, что пальцы на ноге болезненно хрустнули.

– Ах ты тварь!!! Сало тупое!!!

Поросенок, истерически повизгивая, стремительно выле-
тел в параллельный переулок, развернулся с заносом, умчал-
ся куда-то к реке. Выйдя за ним следом, Олег чуть не столк-
нулся с Добрыней.

– О! Олег! Мы только тебя вспоминали! А чего это ты в
закутке делал со свиньей? Вон как от тебя выскочила, будто
ошпаренная, да и ругаешься ей вслед.

– Пойди у нее спроси, если сильно интересно.

– Да мне совсем неинтересно. Но только поговаривают
про тебя, что ты их не любишь больно. С палкой гоняешь,
говорят.

– А за что их любить? Они раз ко мне в избу залезли, всем
стадом. Воняло потом долго свиньями. А бить их надо толь-
ко палкой. Тугие заразы – сейчас чуть ногу о зад не сломал.

Не лучше ли за стеной свинарник сделать и не пускать сюда эту заразу?

– Не хватает пока на стройку народу. Там ведь работы много: изгородь хорошую еще надо сделать будет.

– На мостовую вон нашел людей.

– На мостовую нужнее.

– Ну-ну. У нас в поселке больше тысячи народу, скоро в этих стенах не будем помещаться, поневоле начнем ввысь расти. Придется нормальную канализацию делать: ломать твою мостовую, копать траншеи. Так что пустой труд ты затеял.

– Нет, Олег, зря ворчишь. Восточников мы по хуторам расселять будем и в лагерь лесорубов – там пора нормальный поселок ставить, укрепленный. Отсюда тоже часть народа переселим, чтобы чужаков своими разбавлять. Да и без этого пару тысяч наш старый поселок вместит свободно, спокойно обойдемся и без канализации. Если уж за нее все же возьмемся, то лет через пять или десять. Нечего нам грязь месить все эти годы.

– У Монаха в столице канализация есть и мостовая.

– И что? У него на севере больше десяти тысяч населения, раз в пять больше, чем у нас, ему проще с этим. Да и канализация, как я понимаю, у него не во всех поселках?

– Ну не во всех.

– Вот!

– Зато мостовая у него деревянная. Таковую проще сделать.

– Может, и проще, но у нас зато лучше. Будет у нас образцово-показательный поселок.

– Сноб ты, Добрыня. Ладно, я на причал, там от Монаха опять камни привезли, прослежу, чтобы их на твою мостовую не пустили.

– Не ходи.

– Что? Уже пустили?!

– Да не, не переживай, я сам распорядился к лаборатории их отнести. Все нормально с ними. Я как раз к тебе шел это сказать и еще кое-что.

– Что?

– Мур заявился со своей волосатой шайкой. Вроде бы у этого вороватого орангутанга хорошие новости по тем чудным стекляшкам.

– Ты его расспросил?

– Нет, просто парой слов перекинулись. Я его плохо понимаю, вот и хотел тебя позвать. Да и не представляю, как общаться с гориллой, которая через слово повторяет «украсть»?

– Ну пошли пообщаемся. Где он?

– Да не торопись ты. Они в столовой – пока все там не сожрут, не вылезут. И куда в них столько влезает? Я ему сказал, что, как пообедают, пусть ко мне идет, там и пообщаемся. Так что пошли, пивка пока по кружке тяпнем. Этого орангутанга еще нет. Ему бочонок что кружка – делиться с этой мохнатой прорвой мне неохота.

С ваксами у землян отношения сложились непростые. Олег свой путь по этому миру начал из пещеры горных троглодитов, попав к ним в плен сразу после перехода. Тогда он, правда, не знал, что эта горная разновидность косматых дикарей – наименее цивилизованная. Да и сейчас плохо различал их – для него все они на одну морду. Участь пленников из иного мира была незавидной – пещерные троглодиты использовали их исключительно в гастрономических целях. Люди, оглушенные жестоким переносом в другую реальность, были лакомой добычей, а хватать их можно было голыми руками. Олегу тогда крупно повезло – сумел вырваться из их лап, да еще и с прибылью – познакомился при побеге со своей будущей женой. А вот парочке товарищей по несчастью повезло гораздо меньше – их разделали у входа в пещеру. Еще один погиб тогда при побеге – свернул шею в бурных водах горной реки, а судьба некоторых так и осталась тайной.

По пути к Фреоне Олег не сумел избежать новых приключений – ввязался еще в одну стычку с ваксами, после чего пришлось уходить от погони, а потом еще и в бой с настырными дикарями вступать. К счастью, им повезло и в тот раз: отбились без погибших. На память остался лишь шрам на лбу. Встреча с одной-единственной тварью, выбравшейся из

пекла Гриндира, закончилась для их крошечного отряда гораздо плачевнее – без потерь не обошлось. Хотя тоже повезло: могли ведь погибнуть все.

Впоследствии, уже более-менее организовавшись на берегах Фреоны, земляне постоянно страдали от набегов каннибалов. Отряды дикарей, вооруженных каменным и костяным оружием, представляли тогда серьезную опасность. У людей были лишь дубинки и деревянные копья, самое грозное оружие – у милиционера в поселке Кругова был пистолет с жалким запасом патронов. Трудновато тогда было, немало усилий пришлось приложить, чтобы отвадить троглодитов от поселений землян. Путешествия в глубь их территории тогда были полны приключений – банальная поездка по реке за солью превращалась в серьезный военный поход. «Арго» в первом плаванье на обратном пути угодил в ловушку – пришлось прорываться с боем.

Неудивительно, что земляне, усилившись, первым делом принялись за решение проблемы ваксов. Поселения дикарей по берегам Нары были уничтожены полностью за один военный поход. Тогда не жалели никого – оставляли лишь трупы и пепелища. Троглодитов проняло – вылазки в сторону землян мгновенно прекратились. Теперь они стали дичью, а люди превратились в кровожадных охотников. Лишь постоянная угроза Хайтаны не позволила тогда землянам выделить достаточно сил для полного решения «дикариного вопроса».

Как это ни странно, вопрос решили сами дикари. Южные

троглодиты, «народ равнины», не выдержав военного противостояния с тамошними средневековыми государствами, пошли на союз с землянами. Они получили в свое распоряжение леса между Нарой и аномальным Гриндиром, и первым делом очистили их от остатков аборигенов. Горные ваксы уцелели лишь на западе, да и то лишь потому, что новые союзники землян не горели желанием воевать с ними среди скал.

Нападения каннибалов стали историей. Теперь за солью можно было ходить без охраны. Это, кстати, мгновенно убило бизнес островитян по торговле ценным продуктом с другими землянами – расположение соляного промысла сохранить в тайне не удалось. Невелика потеря – это того стоило.

Несмотря на то что равнинные ваксы были честными союзниками, проблем с ними хватало. Постоянно приходилось решать их конфликты с клотами – первыми союзниками землян, да и с людьми трения случались, особенно с северянами. В общем, скучно не было.

Равнинные ваксы Олега не переставали удивлять. Он, как и большинство землян, первоначально считал, что троглодиты являются тупиковой ветвью эволюции или предками современных людей, вроде питекантропов. Увы, действительность показала, что ваксы далеко не примитивны и в принципе от людей практически не отличаются (если не брать внешность и некоторые особенности социального поведения). Вполне смышлены, легко обучаемы, быстро осваивали

язык землян, в бою против хайтов способны были действовать организованно, совершать сложные маневры и устраивать эффективные засады. В лесу ваксы чувствовали себя как рыба в воде – отличные следопыты, знатоки животных и растений, гении маскировки и бесшумного передвижения. Нюх как у собаки, зрение орлиное, слух идеальный, потрясающая наблюдательность и память – прирожденные разведчики. Вакс, услышав один раз песню на незнакомом языке, способен был напеть ее спустя месяцы без единой ошибки, да еще и подыгрывая себе на кожаном барабане или гволе – примитивном струнном инструменте.

С другой стороны, ваксы были никудышными ремесленниками – максимум, на что их хватало, кое-как чинить свое оружие и производить новое, причем в небольших количествах. Хотя были у них и здесь свои достижения: они плели великолепные корзины, поражающие тонкостью работы и разнообразием. Отлично выделявали кожу и изготавливали причудливую одежду из перьев. Со своих крошечных огородов получали высокие урожаи овощей и ячменя. Ячмень пускали на пиво, для чего сами делали крепкие бочонки без единой металлической детали. Но все это лежало на плечах женщин – мужчины подобной работой не занимались.

Если вакс дал слово – вакс или сдержит слово, или умрет.

Если вакс заключил с тобой союз, вакс не станет увиливать от исполнения союзнического долга – вакс будет воевать до победы или смерти.

Если вакс назвал тебя другом, то это серьезно.

В общем, Олег ни разу не пожалел, что в свое время выслушал вождя ваксов – Мура Пожирателя Голов. Удачно получилось, что удержались тогда от соблазна – не пристрелили троглодита, явившегося к центру катастрофы. Надо сказать, это был первый вакс, который пришел говорить, а не убивать.

По-видимому, ваксы, помимо явных достоинств, обладали еще и скрытыми. В их числе наверняка и ясновидение. Иначе невозможно объяснить, откуда Мур безошибочно узнавал про наличие возможности выпить пива. Ведь он сейчас должен был еще долго сидеть в столовой – ваксы обожали пожрать и старались максимально растягивать сей приятный процесс. Но нет же – стоило Добрыне взгромоздиться на стол бочонок, как в дверь аккуратно постучали, и на пороге выросла волосатая фигура:

– Привет, друг Олег! Я тебя сегодня не видел еще. Добрыню видел, тебя нет.

– Привет, Мур.

– Друг Добрыня, ты приглашал меня к себе для важного разговора.

Добрыня, с грустью покосившись на бочонок и прикинув, какой ущерб его содержимому сейчас нанесет вакс, явно прилагая над собой немалое усилие, кивнул:

– Да, Мур, проходи. Присаживайся. Тебе налить?

Вакс даже приостановился от такого вопроса будто пара-

лизованный:

– Друг Добрыня, спросить воина из народа равнин, будет ли он пить пиво, это все равно что спросить рыбу в реке, будет ли она плыть.

– А ты лучше говорить стал, – заметил Олег. – Русский освоил так, что даже шутишь на нем.

– Нет, друг Олег, я еще много не понимаю. И многое не могу сказать словами. Понимаю, но сказать не получается. Это как с украденным топором: рубить им получается сразу, но своим не сразу чувствуешь. Время нужно.

Добрыня, налив в кружки, дожидался осаждения пены, но Мур медлить не собирался, выдул свою в пару глотков, поставил к бочонку, заметил:

– Зачем терять время? Пена пить не мешает. Особенно если пиво хорошее. А это хорошее. Не такое, как мы варим. У нас крепче. Но все равно о-о-о-очень хорошо.

Ели ваксы медленно, а вот пиво пили быстро и выпить могли очень много.

Вздыхнув от жадности, Добрыня вновь наклонил бочонок и, наполняя кружку, спросил:

– Так что ты на пристани мне про Гриндир рассказывал? Вы там побывали, что ли?

– Нет, друг Добрыня, мы туда не ходили еще. Раньше ходили, когда жили на юге. Там Гриндир с другой стороны, там не так все. Там возле его границы во многих местах можно жить: никто оттуда не выходит. Чудовища Гриндира не по-

кидают свою пустыню. Для них завеса ветров непроницаема. А у вас Гриндир совсем не такой. У вас из него выходят страшные чудовища. Они уже убили у нас охотника, а еще одного искалечили. Мы не стали делать деревни возле вашего Гриндира. Там хорошая земля, и богатая река есть, но там очень страшно жить.

– Ну а сиды? – спросил Олег. – Ты говорил, что там, у себя, вы их добывали иногда. Местные ваксы их тоже добывали – мы это точно знаем, не раз у них отбирали. Вы ничего не смогли о камнях разузнать?

– Друг Олег, мы пытались. Ты просил узнать, и мы пытались узнать. Мы ловили местных пожирателей кала и жгли их огнем. И спрашивали про сиды. Эти вонючки молчали. Или обманывали нас. Но мы терпеливые. Мы спрашивали многих. А потом мы проверяли их слова. И мы нашли тропу, по которой они ходили в Гриндир. В Гриндир ходят только за сидами. Туда больше не за чем ходить. Значит, тропа ведет к сидам. Но мы ее не проверили до конца. Мы не знаем, что располагается за завесой ветров.

– Там, на юге, сколько народу вы брали, чтобы зайти в Гриндир? – уточнил Добрыня.

– Мы мало ходили. Я ходил только один раз. С отцом. Отец мой был самым могучим алтанакон. Отец брал тогда с собой шестьдесят воинов. Мы зашли в Гриндир и терпели там жару, сколько могли. Потом вышли. Потом опять зашли. Опять не нашли ничего и вышли. Потом зашли в третий раз,

и на нас напали стеклянные пауки. Мы потеряли двоих воинов. И не нашли ни одного сйда. Отец сказал, что Гриндир стал жадный, и мы вернулись домой. Больше не ходили.

Добрыня, в очередной раз подливая в кружку вакса, уточнил:

– Так что, при походах в Гриндир у вас всегда потери были?

– Да, друг Добрыня. Чтобы добыть один сид, приходится терять несколько воинов. Хотя бывает, что никого не теряем. Бывает, что один раз заходят и находят сразу сиды. И выходят все живые. А бывает, заходит отряд, и никто не возвращается назад. Это же Гриндир. Туда надо вести много воинов. И не задерживаться там долго. Жар Гриндира вызывает слабость. Слабый воин умирает легко. Гриндир даже хайтов делает слабыми. Слабый хайт не страшен. У слабого хайта можно украсть его топор.

– Хайтов? – вскинулся Олег. – Они что, тоже туда ходят?

– Я такое не видел. На нашей старой земле хайтов не было. У нас ходили только мы, и люди, которые жили за порогами. Здесь некоторые пожиратели кала рассказывали под огнем многое. И говорили, что хайты ходят в Гриндир. Хайты идут с севера, из-за Нары. Много хайтов. Заходят в Гриндир. Потом выходят. Но их уже не так много, как было: некоторых Гриндир тоже убивает. И они возвращаются на север.

– Им-то что надо в Гриндире? – удивился Добрыня.

– Я не знаю, друг Добрыня, но я думаю, что им нужны

сиды. Народу равнины нужны сиды. Пожирателям кала нужны сиды. Людям с юга нужны сиды. Вам нужны сиды. Всем нужны сиды. Может, и хайтам они тоже нужны.

– А сейчас вы хайтов там, на западе у себя, не видели? – уточнил Олег.

– Нет. Если бы увидели, попробовали бы их убить. Если бы их было слишком много, мы бы попросили вас о помощи. Мы бы дождались, когда они выйдут из Гриндира. Они были бы слабы. Мы легко бы их убили. И украли бы их сиды. Смешно бы получилось: нам бы не пришлось терять своих воинов за завесой ветров.

– Друг Мур, сиды нам очень нужны. За них мы можем купить у восточников их крестьян и поселить на своих землях. Ты же понимаешь, что нам нужно больше людей.

– Друг Олег, мне трудно будет вам помочь. У нас сейчас война с пожирателями кала, нам трудно посылать большие отряды в Гриндир. Не хватает воинов.

– Не понял?! – удивился Добрыня. – Вы же загнали этих вшивых макак в горы. Сам же говорил, что леса от них очищены. Вот и живите в своем лесу, не надо лезть в горы.

– Друг Добрыня, мы и не лезем. Но пожиратели кала очень глупы. И их глупость рождает наглость. Они решили, что мы их боимся, раз больше не преследуем. Они спускаются со своих гор и нападают на наши деревни, убивают мой народ и воруют наше добро. Для этого они собирают большие отряды. Нам приходится держать войско возле гор. Мы пытались

зайти на тропу, откуда они выходят, и убить их там всех. И поставить свою охрану, чтобы они не могли спускаться вниз по хорошей тропе. Но эти жабы бородавки в своей наглости затмили солнце! Они прячутся на высоких скалах и кидают оттуда камни и копья. Мы не можем ничего сделать. Мы не можем кидать свои копья ввысь. Мы теряем воинов. А они не теряют. Мне стыдно, но мы не можем их убить в горах. Мы народ равнин, нам трудно там. Там все чужое.

Олег, слушая вакса, хмурился все больше и больше. Действительно, если ты вырос на равнине или в лесу, в горах тебе будет неуютно. А если учесть, что местные каннибалы знают там каждый камешек... Сам он видел лишь восточные отроги. Серьезных вершин на краю горного массива не было, но вот ущелье с отвесными стенами ему запомнилось. Во время побега из пещеры каннибалов им тогда пришлось прыгать с очень приличной высоты. При таком изрезанном рельефе парочка воинов, заняв удобную позицию, может задержать отряд в десятки врагов, попросту обстреливая их сверху. Своим союзникам земляне выделили немного арбалетов и луков, но, увы, толку оказалось мало – ваксы с этим оружием обращались отвратительно. Ну непривычны они к дистанционному бою – у них акцент на рукопашную схватку. Людоеды не дураки – не лезут в самоубийственные атаки против отлично вооруженных воинов и максимально используют знание местности. Союзники людей в тупике – чтобы победить подобного противника, им нужны миллионы вои-

нов. Потребуется затопить горы вооруженной ордой.

Увы, миллионов воинов и близко не было. Даже если взять женщин и детей, выйдет цифра в сотни раз меньше.

Да и с каннибалами не все просто. До появления землян на своей земле они жили, не зная забот. Врагов никаких – хайты местными дикими ваксами не интересовались, а люди сюда не любили лезть из-за хайтов. Земляне, начав геноцид в ответ на агрессию, заставили троглодитов зашевелиться. Столкнувшись с внешней угрозой, они поневоле должны были начать кооперироваться и вырабатывать стратегию и тактику противостояния новому противнику. Это, очевидно, сейчас и произошло – людоеды консолидировались и научились противостоять союзникам.

Дай им волю, и через несколько лет они ничем не будут отличаться от более-менее цивилизованных сородичей Мура. Да и народ Мура, как показало время, способен адаптироваться с дивной быстротой. Столкновение с культурой землян не прошло для них бесследно: они на глазах забывали свои дикарские привычки. Жадно перенимали обычаи и привычки людей, даже в своей речи вполне естественно начали применять сложные обороты, и разговоры в духе «пришел – убил – украл» услышать теперь можно нечасто.

Иногда Олегу становилось интересно, что будет с ваксами дальше, спустя века? Постигнет ли их участь земных неандертальцев, или они прочно займут свое место среди людей, завоевав для себя место в этом стремительно изменяющем-

ся мире. А то, что мир изменится стремительно, сомнений нет. Такой «впрыск» земной крови даром не пройдет. Уже изменился: Хайтану если не разгромили, то уж обескровили так, что те позабыли про набег.

Пока что ваксам приходится туго: люди их злейшие враги. Единичный пример сотрудничества островитян и народа Мура не в счет. Но пример характерный: если это выгодно обеим расам, то взаимовыгодное сотрудничество вполне возможно.

Понятно теперь, зачем Мур приперся в поселок и с ходу намекнул Добрыне о Гриндире и его ценных сиадах. Ваксы не столь наивны и раскрываться полностью даже перед союзником лишний раз не станут. Кинув информацию о вожделенных кристаллах, заодно и поведал о трудностях войны в горах. И уж верх мастерства: указал на некоторую взаимосвязь между возможностью добычи сидов с решением проблемы горных ваксов.

– Мур, а что ты там говорил про тропу в горах? Что вы там хотите перекрыть?

– Друг Олег, мы убили или выгнали всех пожирателей кала в местах, откуда начинают расти горы. Но дальше, там, где горы высоки, они остались живы. И к ним присоединились убежавшие. Они оттуда на нас нападают. Мы делаем засады и ловим их в плен. Потом с ними разговаривает огонь. Они упрямятся, но все равно огонь сильнее – часто говорят правду. Мы узнаем от них про тропы, откуда они приходят,

и строим там, в хороших местах, башни из камней и дерева. Там дежурят наши воины. Если они видят пожирателей ка-
ла, то предупреждают об этом. У нас там всегда стоит боль-
шой отряд наготове. Он выходит навстречу горным вонюч-
кам, и они убегают или умирают. Мы так закрыли все их но-
ры. Они не могут оттуда высовываться. И уже не высовыва-
ются. Им это и не надо. У них есть место, которое мы не мо-
жем закрыть башнями. Камни там сошли с ума. Там все из
камня. Каменные зубы растут из земли. Там нет деревьев. И
там сто троп. Мы не можем все их закрыть. Иначе весь мой
народ придется загнать в это место. Но под огнем эти горные
козявки говорили, что дальше есть река, она течет в глубо-
кой пропасти. Через пропасть они, сильно обнаглев, сдела-
ли мост. Переходя через реку, они проходят по земле взбе-
сившихся скал и нагло нападают на наши деревни. Я хотел
дойти до реки и разрушить их мост. Но у меня это не полу-
чилось. С каждой скалы в нас летели камни и дротики. Мы
шли в атаку, но, когда забирались наверх, там уже никого не
было. Мы расположились лагерем на ночь. В темноте в нас
опять полетели камни и дротики. Нам пришлось сжечь все
факела, все кусты, что там были, мы даже жгли их дротики.
Нам нужен был свет, чтобы их отгонять. Мы не подпускали
их к себе. И не атаковали. Атаковать было опасно – это их
земля, и она их охраняет. Мы могли все погибнуть во тьме,
среди скал. Они хотели, чтобы мы вышли из своего лагеря. И
мои воины хотели кинуться на них. Я не пустил никого. Мне

это было трудно делать. Утром я увидел, что многие воины ранены, а некоторые убиты. Факелов больше не осталось. Я понял, что следующая ночь будет еще труднее. И мы оттуда ушли.

– Правильно сделали, – сказал Добрыня.

– Спасибо. Я рад, что ты не думаешь, что я трусил. Мы не боимся их. Но воевать с ними у нас не получается. Воевать с ними – это будто ловить воду руками. Ты сжимаешь кулак, а она вырывается у тебя между пальцев. Мы просто растеряны и не знаем, что делать.

– Ты зря не сказал это сразу. Вам не надо было лезть туда без нас.

– Друг Добрыня, мне стыдно было просить помощь против ничтожных пожирателей кала. Они не враги, они жалкие трусливые жабы. Но эти жабы скользкие. Выскальзывают из пальцев. Если бы у нас был отряд ваших воинов с мушкетами, мы бы легко дошли до моста и разрушили бы его. А потом бы построили там свою крепость. И они бы уже не могли сделать новый мост, а пройти через реку без моста очень трудно и опасно.

– Нет, – Олег покачал головой, – ты неправ. Скажи, сколько вы там, в горах, сейчас держите своих воинов?

– У нас четырнадцать башен. Оттуда смотрят за тропами. И два отряда стоят у корней гор. Двести десять воинов.

– Вот видишь. А в крепости еще воинов придется держать, и дорогу к ней охранять тоже надо будет. Получится, у тебя

там будет постоянно сидеть триста воинов. Это огромная сила, вам трудно будет столько отрывать от себя.

– Друг Олег, мы должны их там держать. Если так не делать, то пожиратели кала будут разорять наши деревни возле гор.

– Я понимаю. Но у меня есть опыт войны с ними. Все просто: если им хорошенечко намять бока, они утихомятся. Они поймут, что наказали их не просто так, а за набеги, и будут знать, что наказание повторится, если повторится набег. Лучший вариант – послать в горы сотню стрелков, при поддержке твоих воинов. Такими силами мы легко дойдем до моста и за мост тоже пройдем. По пути будем уничтожать их воинов и селения. Если поход будет удачным, в конце отпустим пленников, объяснив им, что, если повторится набег, мы вернемся в горы и пройдем еще дальше не щадя никого. Друг Мур, как ты думаешь – они повторят набег после такого?

– Если мы убьем много воинов и разрушим мост, то не повторят. Они вонючие трусы. Они увидят, что от мушкетеров на скале не спрятаться. Раз не спрятаться, значит, трусливо воевать не получится. Они устроятся и позабудут дорогу в нашу сторону.

– Вот и отлично! – Олег повернулся к Добрыне. – Ну так что? Сев у нас давно закончен, народ освобожден, сможем стрелков на зачистку гор послать? А на обратном пути можно и в Гриндир. – Олег подмигнул.

– Ишь какой шустрый! Раз сев закончен, значит, мы тут баклуши бьем и дальше бить будем? Так, по-твоему, получается? Ты всех по себе не равняй! Заперся у себя в избе и целыми днями ценные доски с гвоздями переводит! И думает, что так и надо!

– Имею право. Ты сам сказал, что я отпуск заслужил. Да и то – разве это отпуск? Через день приходится к старателям бегать: без меня они не золото, а слезы намыывают.

– Незаменимый ты наш...

– Друг Добрыня, можно не сотню стрелков посылать, можно десять. На трусов этого хватит, – аккуратно предложил Мур.

– Ты хоть помолчи! Десять! Я тут боюсь, что и сотни может не хватить. Наши ребята тоже с горами не шибко знакомы... Да не грусти, друг Мур. Будут вам стрелки. Мы своих союзников в беде никогда не бросаем. Надо только прикинуть, кого снять можно без особого ущерба для дела. У нас сейчас цех делают новый, металлургический, там очень много народа требуется... Даже не знаю что и делать... Вот если бы ты своих сотню дал на время похода, чтобы там на грубой работе подмогли, я бы точно сотню мушкетеров нашел, а так думать надо...

– Друг Добрыня, тебе не надо думать! Мои люди помогут вам здесь. Только они не умеют делать цеха. Это плохо.

– Да там работа «подай-принеси». Стены каменные возводим, приходится подносить много грузов. Ваксы подойдут,

силы у них хватает. У нас там из ближних деревень десятка два уже ваших работает за плату, и толк от них есть. Олег, а ты вроде и раньше хотел в предгорья сходить?

– Ну да. Посмотреть на горы не мешает. Млиш говорил, что где-то там ртуть добывали в древности, нам бы не помешало, на капсюли. Может, повезет, и найдем.

– Значит, ты и поведешь этот отряд. И подготавливать тоже ты будешь, а то разленился как котяра откормленный.

– Ну прям уж! Добрый, если у нас сотня стрелков уйдет... А вдруг хайты опять вылезут? Они в прошлом году в эту пору как раз шевелиться начали. Да и в позапрошлом, когда мы сюда попали, гоняли наших тоже в это время. «Арго» тогда захватили у местных и вашу толпу хорошо потрепали. Хотя вроде больших отрядов не было в наших краях... Но им ведь тут и делать нечего было без нас.

– Хайты? Ты бы еще Гитлера вспомнил! Да их давно уже не видно и не слышно. После похода на правый берег они в нашу сторону даже не смотрят. Крепко мы им навешали тогда! Тем более что перед этим всю их армию на левобережье разбили.

– Насчет той армии все верно. А вот насчет «навешали на их берегу»... Я бы так не сказал... Выбили они нас оттуда с треском. Мы драпали в таком темпе, что из сапог выпрыгивали.

– Так это им просто повезло, да и зимой непривычно нашим на чужом берегу воевать. И вообще, они же не сильно

гнались? Видно, их тоже тогда здорово потрепало, считай, ничья вышла.

– Угу. Мы тогда двадцать девять человек потеряли убитыми и пропавшими, а про раненых и вспоминать страшно. Две пушки пришлось утопить: сами их в прорубь скинули. Ядра побросали, порох сожгли. У северян еще больше потери были, а круговцы вообще потом недели две на восточном берегу собирались.

– Да ладно тебе вспоминать гадости разные. Не верю я, что хайты опять вылезут. Но на этот случай рацию с собой возьмете, если что, быстро отзовем вас. А ты лучше сейчас давай решай: кого из офицеров брать будешь и как туда пойдете?

– Пойдем мы просто – через арку. Выход этого телепорта как раз возле предгорий. Насколько я понял Мура, до скального лабиринта, в котором их щиплют, километров двадцать оттуда. Пешком легко дотопаем. Хотя лошади понадобятся тоже: груза нам немало тащить придется. И неплохо бы пару пушек с запасом гранат взять – в горах удобнейшая вещь. Если дашь пушки, то лучше всего к ним бы взять Дубина с десятком его опытных ребят – будет заведовать нашей артиллерией. Заом я бы Макса взял, но у него жена беременная, не знаю даже... Вроде бы не должны мы там надолго застрять, но мало ли как получится... Если с Максом не выйдет, то тогда Кабана.

– У Кабана одышка после ранения – осенью ему легкое

пробило. По горам лазить нежелательно. Я с Максом поговорю. Приказывать ему не хочется, так что пусть сам решает.

– Ладно. Я тогда к Дубину сбегая, с ним переговорю.

– Не торопись, иди свои полки доделывай и заодно прикинь, кого еще брать будешь. Учти, ценных работников я тебе не отдам. И не старайся набирать только опытных вояк: перемешивай их с молодежью – пусть боевому делу поучатся. Ваксы противник несерьезный, можно сказать, учебный. А Дубин сейчас в лагере лесорубов – картечницы там на башни устанавливает, вызовем по рации вечером. Так что иди давай. И ты, друг Мур, тоже топай. Пошли кого-нибудь из своих ребят прямо сейчас, пусть в лес приказ донесет. Мы уже с нетерпением ждем обещанных тобою помощников.

Глава 3

За неполные два года запуски в поселке производились три раза.

Без жертв и разрушений при этом обошелся лишь один запуск.

Когда это случилось впервые, выжившие пассажиры не были к подобному готовы. Они даже не подозревали, что им угрожают столь неприятные сюрпризы. К тому времени их жизнь здесь, или скорее существование, кое-как наладилась. Те, кто сильно пострадали при падении и пожаре, уже умерли или выздоровели. Кто не выдержал психологического шока, благополучно сбрендил, остальные кое-как пришли в себя, начали выживать уже сознательно, активно приспособляясь к реалиям кардинально изменившейся действительности. Все, кроме совсем уж чокнутых параноиков, успели четко уяснить – смертоносных сюрпризов здесь не бывает. Ты, конечно, можешь умереть от болезней или лишений, но никто и ничто тебя здесь не тронет, если ты будешь соблюдать простейшие правила поведения.

Это была стабильность. Ужасающая, ведущая в тупик, но стабильность.

В день первого запуска все рухнуло – стабильность больше не вернулась.

В этот день люди потеряли шестерых. Затем в течение

нескольких дней от ранений умерли еще двое. Остальным повезло больше: отделались мелкими травмами или заработали шок от очередной несмешной шутки в исполнении костлявой барышни с косой.

Андрей тогда выжил чудом – повел себя при запуске как слабоумное существо. В тот день он работал в самом опасном месте – на полосе. Тогда он еще не знал, что это место опасно, наоборот, такая работа считалась самой легкой. Он к тому же страдал расстройством желудка, и товарищи освободили его от обычного перетаскивания груженных носилок – толку от него там не было. Ползая по полосе с шаром замазки в руках, он заделывал малейшие трещинки и выбоины. Полоса была очень старой, веками ее поверхность атаковали жар и холод, воздух и вода. Держать ее в зеркально-ровном состоянии было непросто. Труд многих поколений превратил полосу в сплошную заплату из смеси глины, битума и песка, первозданные каменные участки встречались лишь на дальнем краю.

Странный звук заставил его оторваться от работы. Такого он здесь еще не слышал – будто миллион котов хором зашипели. Поднявшись, вытаращился на пирамиду. Там сейчас было на что посмотреть – западная половина исполинского сооружения погружалась в белесое марево. Струи дыма или пара вырывались из-под основания, от них, видимо, и шел этот странный звук.

Два дистрофика, работавшие в группе Андрея, вскочили,

суетливо заматались между пленниками. Легкими ударами древков дротиков они заставили всех подняться, суетливо погнав народ к глиняным карьерам. Люди, не подозревая о грозящей опасности, не особо торопились. Шли не спеша, бестолково оглядываясь. Всем было интересно, что же такое с пирамидой приключилось?

До карьера их группа дойти не успела. Каких-то несколько шагов оставалось до первой ямы, когда ЭТО случилось.

Шипение перешло в громовой рев, густые клубы пара взметнулись до вершины западной половины пирамиды. В этом мареве стены сооружения дрогнули, поплыли в стороны, открывая темный зев исполинских ворот. Там, в темноте, что-то величаво пульсировало, выбираясь на дневной свет. Разглядеть подробности было невозможно – туман мешал. Будто яйцо ползет, только вот размеры у этого яйца... Какова высота пирамиды? Наверное, метров сто пятьдесят точно есть. Открывшийся проход, конечно, гораздо меньше, но все равно впечатляет.

Налетевший ветер понес облако пара к карьерам. На несколько мгновений видимость упала до нуля, а когда прояснилось, люди увидели, что пирамида «родила огурец». Точнее, роды еще не закончились, но уже видно было, что из ее недр, выталкиваемый непонятной силой, лезет гигантский желтовато-серый эллипсоид. Даже пупырышки по бокам имелись – все как у настоящего овоща, кроме цвета и размера. Размерчик у него был... Андрею доводилось видеть

кадры, запечатлевшие старые дирижабли в эпоху расцвета этого вида транспорта. Вот нечто подобное увидел и сейчас – пирамида решила родить рекордсмена среди дирижаблей.

«Огурец» наконец выбрался целиком, поблескивая влажными боками, разлегся у основания пирамиды. От его заднего конца в глубь сооружения тянулся извивающийся пульсирующий отросток – будто пуповина. Возможно, именно по этому «шлангу» в недра «огурца» подавался воздух или какой-то газ. «Дирижабль» разбухал на глазах, причем рос исключительно вбок, на глазах превращаясь в колоссальную карикатуру на морского ската.

Охранники, давно уже перестав подгонять пленников, прыгнули в карьер, оскальзываясь на глинистом склоне, ринулись вниз, на самое дно. Люди глупы – даже сейчас они не поняли, что дело пахнет керосином.

Скат, распрямляя бока, задрожал, потянулся вверх, оттолкнулся от земли, взмыл на несколько метров. Нет, земное тяготение он победить не смог – его увлекло назад. Упав, он чуть сплюснулся, колышась, будто потревоженный студень, оттолкнулся вновь, опять вернулся к полосе, пополз вдоль нее, будто едва накачанный воздушный шарик. Примерно на середине взмыл уже увереннее, воспарил на мгновение, потом резко пошел вертикально вверх. «Пуповина» натянулась, разом ослабла, поволочилась за «скатом» обвисшим шнурком.

В этот миг скат резко прервал подъем – будто разбегаю-

щийся спортсмен вдруг затормозил у начала дистанции. От столь грубой остановки тело ската заколыхалось еще сильнее – его угрожающе повело на левый бок. Андрей смотрел на это зрелище как зачарованный. Он не понимал, что это такое, но почему-то был уверен, что видит живой организм, а не искусственную конструкцию – продукт банальной технологии.

Оказывается, в этом полумертвом мире есть весьма эффектные сюрпризы.

Скат выровнялся, не теряя равновесия, весьма проворно развернулся тупым носом в сторону карьеров, под брюхом блеснула вспышка. Мгновенный огненный росчерк протянулся к поселку, ударил в стену сарая. Хлипкое сооружение разлетелось грудой тлеющих обломков. Над головой Андрея с треском промелькнул футбольный мяч, сотканный из оранжевого пламени, ударил в край карьера, взорвался. По щеке, стесав кожу, вскользь прошелся комок сухой глины, рядом кто-то истошно заорал.

Вершину башни, возвышавшейся в центре поселка, украшал исполинский арбалет, накрытый лоскутным пологом из кусков грязной кожи. Толстые доски и бревна в его конструкции поначалу были единственным свидетельством существования здесь древесной растительности – вокруг поселка, куда ни кинь взгляд, не было даже кустарников. Люди частенько гадали, для чего он там установлен, справедливо подозревая, что предназначено это огромное орудие не для

красоты. Сегодня они узнали ответ.

Парочка обезьян лихо наклонила это громоздкое орудие, навела в сторону исполинского летающего ската. Промачнуться невозможно – в этой громадине, наверное, больше двухсот метров, а расстояние до него от башни еще меньше. Промача и не было – толстая стрела, оставляя за собой еле заметную струйку дыма, ударила ската в правый бок. Тот, не заметив этот булавочный укол, выпустил очередную порцию своих огненных снарядов. Нет, все же заметил, – удар пришелся по площадке перед очагом и башне. Огромный арбалет вспыхнул свечкой, две горящие фигурки слетели вниз, забили на земле, пытаясь сбить пламя.

Засмотревшись на это зрелище, Андрей некоторое время не следил за «скатом», а когда поднял глаза, то застал лишь последние мгновения его существования.

Скат, объятый пламенем, превратившись в чудовищный голубоватый метеор, стремительно улетал в восточном направлении. Агонизируя, он пытался набрать высоту и скорость. Зачем? Может, хотел сбить пламя? Нет, такое уже не собьешь. Похоже, внутри он был пуст как мыльный пузырь и закачан горючим газом.

Уйти он все же успел далековато – пылающие останки рухнули примерно в километре от поселка.

Обернувшись к пирамиде, Андрей убедился, что она успела закрыться и туман уже рассеялся. За спиной слышались стоны и крики раненых, выжившие охранники начали

выгонять людей из укрытий. Андрея тоже подтолкнули древком дротика в спину, намекая, что следует двигаться к центру поселка.

Послушно направившись к дымящейся башне, Андрей только сейчас понял, что был на волосок от гибели. Осознание этого ему не понравилось: мгновенно ослабевшие колени едва не подогнулись, а руки предательски задрожали. Идиот, он даже не попытался спрятаться, стоял как круглый дурак... любовался. Одного просмотра вполне достаточно – больше он глядеть на это не желает. Если это повторится еще раз, он будет готов – забьется с головой в самую глубокую яму.

Увы, повторилось. Дважды.

Первый раз обошлось без жертв – так что напрасно Андрей спрятался в мутной воде озерца на дне карьера. Те, кто осмелились пронаблюдать за запуском, рассказали, что все было почти как в первый раз: западная половина пирамиды раскрылась, выпустила из своего чрева «огурец». Оказавшись на полосе, тот превратился в ската. Взмыл в небеса, оборвал тонкую «пуповину», ушел на восток, быстро растаяв в небесах. Никаких пакостей себе при этом он не позволил.

Зато следующий запуск с лихвой наверстал упущенное. Этот скат превратил в руины половину поселка и прикончил полтора десятка пленников и аборигенов. Помешать ему не смогли – арбалета с зажигательными снарядами больше не было. Террор продолжался долго, но скат в итоге начал

сдавать. Может, вместе с огненными снарядами он терял какие-то свои силы или по какой-то другой причине, но исполинский дирижабль начал быстро терять высоту и перестал маневрировать. Его подхватил порыв ветра, потащил к дальнему краю полосы, напрямик на обломки авиалайнера. Волочась нижним краем оболочки по земле, скат задел нагромождения металла, потащил их за собой. Видимо, при этом не обошлось без пробоин и искр – из поврежденного бока вынесся поток синего пламени. Реактивной струей скат подбросило в небо и отнесло далеко от поселка, где он, рухнув в степь, выжег вокруг себя десятки гектаров.

После третьего запуска пленники и аборигены долго отстраивали разрушенные сараи, перетаскивали к прожорливой пирамиде своих мертвецов и тысячи скрюченных, обгорелых кожисто-роговых огромных «ногтей» – все, что осталось от смертоносного ската.

Попытки обсудить это или публично вникнуть в суть происходящего пресекались уже на другой день после запуска – люди просто не хотели вспоминать лишний раз об этой угрозе. Никто не сомневался, что рано или поздно очередной скат рухнет на поселок и выжжет дотла всю округу вместе с аборигенами и их пленниками. В карьере от подобного не спрячешься. От знания этого не уйти, но зато можно заставлять себя о нем не вспоминать и не давать вспоминать другим – вот и появилось это странное для цивилизованного человека табу.

Современный человек привык к виртуальной смерти. Кровь льется с экранов телевизоров и мониторов компьютеров, ею пропитаны страницы книг и газет. Смерть уже не шокирует и никого не удивляет. Подспудно многие считают, что, столкнувшись с ней в реальности, все будет так же. Как же жестоко они заблуждаются... И как же быстро это понимают... Для этого достаточно увидеть, как товарищу, с которым ты только что ел из одного котла, огненный шар отрывает голову. Друг, который подменил тебя на каторжной работе, превращается в обугленный огарок. Смерть собирает обильную жатву вокруг тебя, и ты имеешь хороший шанс стать ее очередной жертвой. И это реальность – от нее не уйти с помощью пульта телевизора. И если в реальности над тобой загорится надпись «Game Over», ты не загрузишь сохраненную игру для второй попытки, да и надписи, как таковой, не будет. Твои товарищи здесь умирают навсегда. И ты сейчас отправишься вслед за ними, если смерть этого захочет.

В этом мире есть новый синоним слову «смерть» – «запуск».

Запуск – это объективная реальность, одно из неизбежных явлений нового мира.

Запуск ужасающ по своим последствиям и загадочен из-за своей непостижимости.

Запуск – это постоянная угроза Армагеддона, Божий бич для этого затерянного в степи поселения.

Запуск настолько страшен, что даже говорить о нем нельзя – табу.

* * *

Сегодня пришло время четвертого запуска.

Аборигены даже не пытались гнать пленников в укрытие – укрытий рядом не существовало. Степь ровная как бритый блин: даже замаскироваться здесь негде – травы мало, да и невысокая она. Деревьев и кустов вообще нет. А откуда им взяться – здесь же на километры вокруг все выведено. Бежать к карьерам далеко, да и страшно – прямо в пасть опасности путь ведет.

Попали...

Первым голос подал Прапор:

– Ребята, давайте хоть присядем пониже – может, скат не заметит нас.

Андрей, положительно оценив совет, плюхнулся на землю плашмя:

– Ложись! Сеном припорошитесь сверху!

Вряд ли такая маскировка поможет. Даже если люди станут неприметными кочками, фигурки аборигенов будут их выдавать – те и не думали прятаться. Стоят, будто суслики – таращатся на пирамиду. Тоже понимают, что убегать бессмысленно.

Из облака пара показался «огурец». Обливая почву под

собой обильными потоками маслянистой слизи, он тянулся к оперативному простору площадки – там можно без помех распрямлять свои «крылья», принимая истинную форму.

Но что-то пошло не так в самом начале. Может, «пуповина» лопнула, пустив струю газа, а может, о какой-нибудь незамеченный камешек оболочку пропорол – этого уже не узнать. Откуда появилась искра, тоже осталось загадкой. Мало ли, может, просто статический разряд. «Огурец», не выбравшись из чрева пирамиды и наполовину, резко остановился, из-под левого бока взметнулась струя голубого пламени. Несколько мгновений – и вот он уже пылает весь. Огонь пошел в недра пирамиды, оттуда, расшвыривая горящие ошметки, реактивным потоком вынесся исполинский язык пламени – наверное, до небес достал. Отсюда до места событий было более километра, но все равно донесся порыв горячего ветра.

Пламя, быстро вспыхнув, столь же быстро погасло – газ выгорает мгновенно. Пирамида так и осталась в раскрытом положении – две огромные створки застыли гигантскими закопченными крыльями. Видимо, механизм повредило. Струи пара тоже больше не вырывались, лишь потихоньку чадили кучки скрюченных «ногтей», оставшиеся от погибшего «огурца».

Аборигены синхронно направились к полосе, в сторону пирамиды. Они никого не гнали за собой, но люди, встав, привычно зашагали следом за ними – в лишних понуканиях

давно уже не нуждались. Куда охрана, туда и пленники.

Андрей, топая за Чубакой, корчил губы в полубезумной улыбке – так искренне, наверное, улыбаются только кретины, получив в магазине бублик на сдачу. Радость, ни с чем не сравнимая радость. Обошлось – он все же пережил и четвертый запуск. Очень легко отделались, никто не пострадал. В поселке, правда, горят все сараи, ну да это ерунда. Потушат они сараи – видно, для этого их туда и гонят. А потом, наверное, починят ворота пирамиды, отстроят заново разрушенные постройки. Как же замечательно, что сегодня они не работали рядом с поселком: никто бы там не выжил. Жаль только, что ночевать негде, ну да это ерунда – на дворе тепло и сухо, можно спокойно ночевать и на улице. Это ведь не зима.

Очень удачный запуск – никто не помер.

Предаваясь радостно-идиотским мыслям, он не обращал внимания на несколько странное поведение охранников. Аборигены двигались будто ослепшие лунатики. Даже дистрофики прекратили свое постоянное дерганье из стороны в сторону – брели к пирамиде механическими куклами.

Не только Андрей не замечал ничего странного – все пленники будто ослепли. Радость от осознания, что опасность миновала, опьянила – не до наблюдательности народу стало.

Пережить запуск – это нечто. Адреналин высшей очистки. Аборигены, почти добравшись до тлеющих останков

«огурца», разом остановились, присели на корточки, замерли. Только тогда люди поняли – происходит нечто необычное. Поначалу пленники недоуменно переглядывались, не понимая, что им теперь делать. Некоторые даже неуверенно приблизились к чадящим кучкам «ногтей», ожидая приказа по их уборке. Охранники даже не шевельнулись.

Несколько минут народ переминался с ноги на ногу, уставившись на окаменевших аборигенов. Первым набрался наглости Киркоров. Немой здоровяк подошел к Чубаке, поводил у него перед глазами раскрытой ладонью, присел, вгляделся в закатившиеся зрачки охранника, пожав плечами, отошел.

Андрей, заметив, как у главного охранника из уголка приоткрытого рта потянулась струйка слюны, покачал головой: – Да-а-а-а... Дела... Похоже, с нашей охраной не все ладно.

Народ загалдел разом – все старались перекрычать друг друга. Прорвалось напряжение, вызванное запуском и в придачу отягощенное бредовым поведением аборигенов. Охрана на этот шум никак не отреагировала – все так и сидели статуями. Одна из женщин, осмелев, выбила из руки дистрофика связку дротиков. Оружие покатилося по земле, никаких последствий этот поступок не вызвал.

Киркоров тут же вырвал из лап Чубаки секиру, крутанул ее в руках, довольно осклабился. Андрей сомневался, что сумеет найти общий язык со столь непривычным оружием,

но и сам вдруг резко захотел обзавестись чем-нибудь подобным. Поднял выбитый женщиной дротик, из-за пояса дисτροφика осторожно вытащил топорик с длинным узким лезвием.

Странно, но, заполучив это нехитрое оружие, Андрей вдруг почувствовал себя гораздо увереннее, а мысли внезапно стали идеально ясными. Он понял, что сейчас надо делать. Завидев, что Кир топает в сторону горящего поселка, перекрикивая галдящую толпу, заорал:

– Стой! Склады горят – ты ничего не вытащишь оттуда! Эй! Хватит галдеть! Быстрее разоружайте охрану! Забирайте у них все оружие, пока они не пришли в себя!

Люди и без его указаний уже всюю грабили аборигенов, но его крик подстегнул процесс экспроприации и придал ему некоторую конечную идею и смысл. Воплощением идеи явилось поголовное вооружение пленников и куча брошенного оружия – все люди себе забрать не смогли. Зачем они это делают, никто еще не понимал – сработал стадный инстинкт, разбуженный поступком Кира.

Андрей, не давая народу опомниться, вскинул над головой дротик:

– Кидайте все лишнее оружие в огонь! Не оставляйте охране ничего!

Но тут коса нашла на камень – люди не спешили выполнять этот приказ. Видимо, эйфория прошла, да и не было стартового толчка – никто сейчас не подал пример.

– Дрю, а на фига жечь? – нервно прокричал Гнус.

– Когда они очнутся от этой спячки, то не смогут за нами гнаться без оружия. А если и погонятся, мы без проблем отобьемся.

– Тьфу ты! – охнул Лысый. – Кому что, а Киркорову и Дрю лишь бы в побег сдернуть! Ты мало бегал? Да некуда здесь бежать! Толку от побегов ноль! Мало тебя лупили «эти»?

– Лысый, очнись! Больше некому нас лупить – охрана, похоже, в кому впала вся! Посмотри на них – этот запуск их окончательно доконал! Ты что, все равно их боишься? Ты, наверное, и тени своей уже боишься! Лысый, уходить надо! Такую удачу упускать нельзя!

– Дрю, да ты совсем спятил! Забыл?! Тележки с продуктами и битумом забыл?! Откуда-то эти тележки приходят ведь сюда! Тут вся планета принадлежит... «этим» принадлежит. Куда нам отсюда бежать?! Побегаем и попадем все равно к ним. Ладно, если просто избыют, так ведь могут засунуть в место, по сравнению с которым этот поселок покажется раем земным. Вон Киркоров дальше всех убегал – его один раз четыре дня ловили. И что? Сам потом палочкой на полу нам написал, что вышел к целой крепости, где ЭТИХ были сотни. Пришлось ему назад поворачивать, прямиком в лапы наших дистрофиков. Это их планета – нам от них не сбежать. Мы, мать твою, будто космические робинзоны – наш корабль сгорел, мы здесь застряли навсегда.

Андрей упрямо покачал головой:

– Ошибаешься. Нам просто не повезло с местом.

– О чем ты?

– Здесь есть люди. Другие люди. Где-то обязательно есть территории, населенные людьми. Надо просто их найти.

Прапор, перебив начавшего было орать Лысого, спокойно уточнил:

– Андрюша, о чем ты? Какие здесь могут быть люди?

– Не знаю какие, но знаю, что они есть. Помните, у дальнего карьера Хач кость нашел? Нижнюю челюсть человеческую?

– Было дело. Только не факт, что она человеческая была. Это мы так... предполагали. Да и могла от самолета попасть туда – там ведь немало народа погорело.

– Верно. Но ведь это было месяца через два после того, как мы здесь очутились. А кость выглядела очень старой и ничуть не подгорела. Так что не из самолета он была.

– Из-за какой-то сомнительной кости ты целую теорию раздул? – хохотнул Лысый.

– Нет. Это я так, напомнил. Вон посмотрите на башню. Мы с Киром решили еще раз попробовать в побег пойти. Я, когда народ на раздаче ужина толпился, пару дней назад туда залез через пролом в задней стене. Надеюсь найти наконечники от дротиков, которые метал тогда арбалет. Пригодилось бы вместо оружия. Наконечников не нашел. Зато нашел нечто другое. Там, на закопченной стене, проступил рисунок. Был нарисован поселок – большой поселок, раза в три

больше нашего. И пирамида за ним – наша пирамида. Она была нарисована открытой. Причем открыты были и западная, и восточная половины. И из них выползали «огурцы».

– И что ты там еще видел? «Черный квадрат» Малевича? Или «Джоконду»? – не унимался Лысый.

– Нет. Больше я ничего интересного не видел. Но и этого достаточно. Рисунок был старый, и на нем был изображен рассвет этого поселка. А мы попали сюда спустя много лет, когда здесь наступил упадок. Остались в итоге одни старики да калеки, восточная половина пирамиды больше ничего не запускала, а западная... западная работала как-то странно... неравномерно... непонятно как... Сами ведь все знаете.

– И при чем здесь люди?

– Ты окончательно отупел? – разозлился Андрей. – Ты видел когда-нибудь, чтобы обезьяна или дистрофик рисовал? Ты вообще можешь представить, что они на подобное способны?

– Сомневаюсь... – честно признал Лысый.

– Вот! Раз рисовали не они, то кто? Ясное дело – до нас, получается, здесь тоже были пленники. И пленники очень похожие на нас. Эти твари нам не сильно удивились и обращались с нами явно опытно. Вспомните, они сразу разделили нас на мужчин и женщин. Если бы они видели людей впервые, то не стали бы это делать.

– Почему? Они видели, что мы отличаемся между собой, и разделили нас.

– Смысл им разделять нас? Зачем, по-твоему, в тюрьмах принято держать отдельно мужчин и женщин? Я отвечу – если держать вместе, будут неизбежно вспыхивать конфликты. Откуда аборигены могли про это знать? Я тоже отвечу – они это знали, потому что уже имели дело с людьми! Ты все еще сомневаешься?! Если да, ты можешь оставаться! Эй вы! Все! Я с Киром ухажу! Мы это решили давно, и нам сегодняшние дела только на руку! Хотите – оставайтесь! Но учтите, склад с халвой сгорел, другой пищи в округе нет! Вам волей-неволей придется уйти из поселка, если охрана не очнется! А впрочем, чего я перед вами распинаюсь! Арривидерчи!

Андрей, сорвавшись с места, кинулся за Киром – тот, не дожидаясь окончания «митинга», уже пошел куда-то на запад. Интересно, почему на запад? А какая, впрочем, разница – они все равно понятия не имеют, в какую сторону следует идти, так что пусть будет запад. Хотя надо бы это исправить – на юг свернуть. Может, там и не лучше, чем на западе, но, если пройти далеко, должно стать хотя бы потеплее.

Догнав Кира, Андрей обернулся, не сдержал довольной усмешки – оставшиеся семнадцать пленников спешили за ним.

Правильно – им некуда деваться.

Глава 4

Добрыня впервые выбрался из поселка верхом. Он бы с удовольствием и пешком прошелся – час туда да час обратно, но лучше верхом. Неприятно, конечно, но пора привыкать к седлу. Вон даже дети малые всюду гарцуют – чем он хуже их? Стыдно получится, если бессменный правитель островитян не научится в седле хорошо держаться. Тут практика нужна, так что если есть возможность, надо брать лошадку.

Лошадей у них теперь много – своих почти восемьдесят голов и у пришлых кшаргов десятка два. Если южане не обманут, то этим летом еще табунок на кораблях доставят. Добрыня уже прикидывал – для полного счастья его людям необходимо двести лошадей. Вот тогда хватит и на сельхозработы в период вспашки и сева, и на перевозку грузов по суше, и патрульных можно посадить на коней. А там, как знать, может, наконец появится у землян и своя кавалерия. А что, было бы неплохо. Сотня конных мушкетеров, выпущенная на берега Хайтаны в глубокий рейд, шороху наделает знатного. Попробуй их там на равнине поймай. Уже не получится такого, как при зимнем походе, когда войско землян зажали посреди заснеженной степи и изрядно потрепали. Эх, расслабились тогда! Шапкозакидательскую болезнь заработали!.. Решили, что если нашествие Хайтаны отбили,

то теперь можно их всерьез не опасаться. Мол, переломили хребет гадине, остается добить. Ага... переломили... Так переломили, что драпали потом оттуда, бросая пушки и обозные телеги.

Обидно до сих пор – столько добра потеряли и столько хороших ребят там осталось. А ведь землян не так уж и много, даже небольшие потери неприемлемы – смертность из-за войн зашкаливает.

Стоп, хватит о плохом вспоминать. А то народ шептаться начнет, что Добрыня уехал чернее тучи. Надо побольше оптимизма. Не все же время им побеждать, не стоит по полгода скрипеть зубами при мысли о былом поражении. Да и поражение это можно смело считать ничьей: из Хайтаны армию землян выбили, но набег на северян не возобновились.

Отгоняя темные думы, Добрыня принялся по-хозяйски обозревать окрестности. Позади удаляется стена поселка, левее вздымается цепочка водяных колес. Сила реки заставляет работать многочисленные машины: поддув металлургических печей, пилорамы, прессы, мельницы, станки. Хрустальная река, выше устья Молочного ручья, жестоко стиснута плотинами и бревенчатыми стенами, – давно уже работает на благо бывших островитян. Увы, ее уже не хватает. За бревенчатой набережной, на другом берегу, коптила небо паровая машина – там располагались токарный и кузнечный цеха. Эта прорва в день поедала несколько повозок дров – Добрыня начал уже задумываться о проблемах с топливом.

Лесов здесь серьезных не было, дрова доставляли от устья Нары, но в тех краях их запас небезграничен. Надо делать дорогу на запад, там леса чуть ли не бесконечные, до самых гор каннибалов тянутся. Да и Олега пора напрягать на предмет каменного угля. Рядом со старой дорогой, ведущей к центру катастрофы, давно уже тлеет подземный пожар. Люди приловчились добывать на нем серу и нашатырь, пора бы подумать и об угле. Далековато, конечно, но это только на первый взгляд. Главное, доставить уголь к Наре – она ведь рядом, а там можно по реке возить, достаточно обзавестись баржами. Если тамошний уголь сгодится на кокс, то вообще счастье настанет – древесный уголь уйдет в прошлое, как и колоссальный труд по его выжигу.

А если бы еще и нефть найти... Может, и с ней повезет? Края эти богаты полезными ископаемыми, здесь есть чуть ли не все – прям как на Урале. Так почему бы не быть и нефти?

Слева промелькнул поворот на пороховой и химический цеха. Они стояли поодаль от поселка, на разных берегах Хрустальной. Пороховой жался к реке, поближе к водяному колесу, химический, наоборот, стоял подальше. Оба бревенчатых сарая одинаково опасны – Добрыне не нравилось их близкое соседство. Зря он согласился тогда с доводами Лома: проклятому химику просто лень далеко бегать, вот и старался поближе все располагать. А вдруг рванет? В прошлом году взрыв был уже, тогда разнесло самую первую мастерскую этого чокнутого пироманьяка. Добрыня строго-настро-

го запрещал складировать в цехах большие запасы пороха и взрывчатых веществ, но Лом по жизни представлял собой эталон разгильдяя – нет ему ни малейшего доверия.

Но и замены ему нет – талантлив гад...

Может, заехать к нему и настучать по башке для профилактики? Чем чаще его по стойке «смирно» ставишь, тем меньше с ним проблем. Нет, на обратном пути лучше заедет.

Дорога резко свернула вправо, к старому охотничьему лагерю. Лошадь было намылилась топать туда же, но Добрыня ее маневр пресек в зародыше, пустил прямо, по едва заметной тропке, поднимающейся на склон холма. Телега здесь не пройдет – повозки крюк делают от лагеря, но всадник точно не застрянет.

Склон густо порос степной земляникой – Добрыня заметил вдалеке нескольких детей, собирающих ягоды в лукошки. Поселковая детвора перемешалась с кшаргами и вроде бы уживались за этим занятием мирно. Это хорошо, а то уже не раз доносили, что земная мелюзга нагло задирает местных детей. С этими малолетними разбойниками сладу нет: у многих не осталось ни родителей, ни родственников, чужие люди – это не родные. Школу кое-как организовали, но толковых педагогов-воспитателей не хватает. Вот и отбиваются от рук без нормального присмотра – только и думают, где бы еще набедокурить. А детвора кшаргов неагрессивная, их дома в железном кулаке держат, воли не дают. Легкая добыча для сиротствующих хулиганов из поселка землян. Дети, ко-

нечно, на то и дети: без потасовок у них никак. Но и полную волю давать нельзя – как бы до беды не дошло, да и озлобиться молодежь кшаргов может, а детская вражда потом и во взрослую перерастет. Парочку запевал Добрыня уже в погреб сажал, на вареную рыбу и воду: через три дня были как шелковые. Если не поймут, придумает наказание пожестче.

Лошадь поднялась на вершину холма, миновала сиротливо возвышавшуюся охотничью вышку – оттуда раньше следили за дичью и ваксами. Теперь забросили это дело: враждебных троглодитов в округе не осталось, дичь тоже убралась подальше от опасных для нее мест. Охотники перенесли свой лагерь на запад, к новым угожьям – от поселка до него теперь около двадцати километров. Через пару лет придется еще дальше переносить: лесов не останется – лучшие пахотные земли как раз в ту сторону тянутся. С землей здесь трудновато – холмы да каменистые пустоши. Почва, правда, неплохая, но ровных участков маловато, да и работы там много: от валунов приходится очищать и сорняки здесь матерые.

Вопрос о пахотных землях стоял остро. Кшаргов и крестьян от западников манила сюда дармовая земля, отсутствие аристократов-землевладельцев и защита со стороны армии землян. Если второе и третье островитяне предоставить могли, то с первым пока туго. Нет здесь достойных наделов. Вот если бы в степях Хайтаны поля распахать... Там да, там жирный чернозем – без удобрений достойный уро-

жай можно собрать, и камней немного. А здесь только булыжники да песок и живучие сорняки с длинными корнями. Добрыня уже устал инструктировать охотников и исследователей, заставляя их искать местность, подходящую для устройства сельскохозяйственного комплекса. По его задумке там можно было расселить крестьян, а поселок остался бы промышленным центром. Это разделение сфер деятельности оживило бы рыночные отношения – вынужденный «военный коммунизм» давно уже трещал по швам, но зачатки товарно-денежных отношений все еще были несерьезными. Еще в первый год появились зародыши валюты – меновые операции проводились с применением слитков меди, кусков железа и пластинок золота. Сейчас добавились «чешуйки» от Монаха – сплюснутые кусочки серебряной проволоки с оттиском, наносимым стальным чеканом. Также использовались местные монеты, попадающие землянам от восточников и южан. Первые постоянно слали к Фреоне купцов – им требовалось практически все: соль из месторождения на Наре, золото из россыпей по правобережью Фреоны, железо островитян, медь и серебро от северян, брали также икру и соленую рыбу, пушнину. Кругов ухитрился за два года организовать в своих поселках массовое пчеловодство: леса в его владениях богаты липой, любая поляна похожа на клумбу от обилия цветов. У него восточники жадно скупали воск и мед. Южане брали поменьше, да и добираться им было далековато, но тоже начинали появляться частенько, бла-

го тамошние аристократы создали купцам землян неплохую рекламу. В этом году их корабли уже трижды приходили от порогов. Привозили ткани и зерно, скупали золото и медь. И восточники, и западники также сильно интересовались оружием, особенно огнестрельным, но здесь им пока ничего не обломилось. Не стоит их вооружать сталью и ружьями: армия землян единственная сила, способная оградить людей от агрессивной жадности местных аристократов, мечтающих о завоевании нового народа. Сила армии землян лишь в совершенном оружии, без него местные воины-профессионалы легко сметут даже превосходящий по численности отряд уроженцев Земли.

В раздумьях Добрыня сам не заметил, как добрался до хутора Макса. В редком лесочке стучали топоры, там кшарги занимались строительством. Сам Макс трудился на поле. Раздевшись до трусов, он собирал камни. Найденные булыжники бывший главный охотник островитян таскал в деревянную тачку, отвозил их на опушку, там складывал в кучу. Хотя нет, не в кучу – землянин зачем-то возводил из них толстую стену. Поле собрался ограждать? Да это же идиотизм. Камней здесь не хватит и на десяток метров подобной стены.

Спешившись, Добрыня оставил лошадь на краю поля. Пускай попасется. Беседа у него недолгая намечается, далеко убежать не успеет.

Макс, завидев Добрыню, остановил тачку, утирая пот со лба, потопал навстречу. Добрыня, пожав ему руку, сразу о

деле говорить не стал.

– Ну привет, Максим. Что, решил Великую Китайскую стену соорудить?

– Ты о чем?

– Да я о камнях. Зачем это ты стену из них поднимаешь?

– А... Да это не стена. Просто так красивее, чем просто в кучу скидывать. Приятнее как-то.

– Ишь ты! Красивее ему! Эстет какой! Вижу я, ты здесь настоящим колхозником стал – на поле пашешь без лошади.

– Не пашу еще, но если тесть позволит, то за плугом похожу. На этом поле, думаю, успеем озимые засеять.

– Как у вас дела? Все строитесь? Изба вроде готова была еще по весне?

– Маловата она для нас, нам три избы надо. В этой тесть и теща с малыми своими останутся, вторая для их старшего сына – у него жена и двое детей, ну а третья для меня с Литали. Я ее по своему проекту поставлю.

– Ты прям целую деревню ставить решил... Как твои, не жалеют, что от Монаха ушли?

– Пока не жалеют. Говорят, что земля здесь хуже, но зато спокойнее жить.

– Зря вы так основательно строитесь. Я подыскиваю землю получше, чтобы не хуже, чем у Монаха, была почва и без этих камней. Если найдется такая, крестьян туда будем селить.

– Камни ерунда. Убрать не так уж сложно, а по весне по-

вторять уборку, не запуская это дело. Вот сорняки сильно достали – от них все зло. Вон видишь кустик? По колено вырастает, не выше, но корень у него, похоже, до центра Земли тянется. Выкорчевать нереально, а вырастает быстро очень. Любит как раз каменистые почвы. Вот с ним морока дикая, и это, похоже, навсегда. Сколько ни пропалывай, все равно поднимается. Тесть говорит, что средство знает хорошее и выведет их, только особого доверия к его словам нет.

– Вот и я о том же. Да и удобнее жить, когда село большое. А то у нас уже десятка два хуторков вроде вашего, и раскиданы они на десяток километров вокруг поселка. Если хайты оравой набегут, то даже защитить всех не сможем, сам понимаешь.

– Мы не специально особняком живем. Где есть поля под пашню, там и селимся.

– Во! Точно колхозник! Уже начал говорить «мы»!

– А я и не отказываюсь, – ухмыльнулся Макс. – Вот посмотри на это поле: тут полторы крестьянские семьи прокормятся, а если урожаи будут хорошими, то излишков хватит еще на несколько семей поселковых. За холмом там еще побольше поле есть. По моим прикидкам, пять семей здесь могут прожить: как раз их хватит, чтобы всю пашню обработать, а скот можно пасти в долинке ручья и на склонах холмов. Но шестой семье в этом месте уже тесновато будет, так что придется им искать для себя другие поля. Не получится здесь большого села. Как по мне, то лучше мест, чем по ост-

ровам и берегам Фреоны, нет. Лес свести, и получатся отличные ровные поля. По весне их еще и удобрять будет речным илом. Вроде долины Нила житница выйдет.

– Не... про реку пока забудь. Рановато нам еще берега Фреоны осваивать. Если налетят большие корабли хайтов, все пожгут. Флот у нас, конечно, боевой, но слабоват и малочислен. Да и не может он постоянно дежурить. И река к тому же своенравная. Кшарги говорят, что там иногда наводнения бывают не по сезону. Зальет поля водой, и все – накрылся урожай.

– Никогда там еще наводнений таких не было. Половодье весной, конечно, очень серьезное, но в остальное время тишь да гладь. Максимум на несколько сантиметров вода поднималась, и то не часто. Я в плавнях частенько охотился, у меня там для интереса палки стояли с зарубками уровней.

– Мы тут два года всего, а ты уже решил, что самый умный здесь. Кшаргам врать ни к чему – сказали, что бывают наводнения, значит, бывают. Не станем мы там поля засевать, нельзя нам пока рисковать. Можно, конечно, дамбы защитные насыпать, но это работа огромная, мы ее нескоро осилим. Хайты себя зимой показали: они такие же опасные, как и раньше, и я их осаду не забыл, что в первую нашу осень была, еще на острове. Тогда нам повезло, но больше испытывать везение не хочется.

– Ладно, Добрыня, о перспективах развития сельского хозяйства мы уже поговорили, теперь давай, колись – зачем

приперся? Небось горишь желанием оторвать меня от нелегкого крестьянского труда, мечтаешь сменить мне орало на меч?

– Угадал. Мур жалуется, что горные ваксы их сильно достали. Воинов он там без толку теряет, помощи просит. Олег туда пойдет, с хорошим отрядом. Вот, думаю, кого с ним послать. Тебя замом поставить при нем неплохо было бы: ты общий язык и с людьми, и с ваксами хорошо находишь и не спишь на ходу при этом. Осенью отлично себя показал, когда с хайтами на севере рубились, хорошо бы и сейчас так же поработать. Приказывать я не могу. У тебя скоро в семье пополнение намечается, так что...

– Надолго это?

– Сам не знаю. Думаю, с ваксами они быстро разберутся, но потом Олег еще по предгорьям пошарит и, может, в Гриндир наконец заглянет – Мур с этим делом помочь обещал.

– Гриндир понятно, а что значит «по предгорьям пошарит»?

– Ну мы плохо знаем горные края, интересно же. Может, что-нибудь полезное там найдем. Млиш рассказывал, что там раньше ртуть добывали.

– Млиш твой из ума выжил почти. В малярию давно уже попадает. Да и зачем нам ртуть? На термометры, что ли? По мне, так без них спокойно обойдемся. Да и ядовитая она.

– Дурак ты. Ртуть нам нужна на капсюли для ружей, на трубки для пушечных зарядов, на взрыватели и детонаторы.

С ней можно будет нормальную артиллерию создать, да и отказаться от кремневок и фитильных ружей. Алик говорит, что переделать наше оружие на капсюльное будет несложно, вопрос только в капсюлях. А там можно будет подумать и о массовом производстве гильз, и будем потом хайтов из пулеметов косить. Так что ртуть нам очень нужна.

– Я с Ломом недавно говорил, он вроде над этим работает. Собирается из свинца что-то делать, не хуже гремучей ртути начинка должна получиться.

– Балабол твой Лом. Он уже несколько месяцев химичит что-то, но толку мало. Капсюли его через один срабатывают – нам такое не надо. Я его за жабры взял, так он признался, что с гремучкой проблем не будет: с ней работать гораздо проще. А насчет яда – свинец такая же гадость, как и ртуть. Будь моя воля, сжег бы химический цех вместе с Ломом – хватит мне людей травить. Но с другой стороны, капсюли нам тоже нужны. Очень нужны...

– Ладно, уговорил. Но, Добрыня, я надолго буду оторван от своей семьи. То, что Литали может родить без меня, это еще более-менее терпимо. Но то, что я не смогу все это время помогать семье... Тут же работы непочатый край, каждый человек у нас на счету. Даже дети работают. Ты не обижайся – я не от жадности, но как-то это компенсировать надо. Сам должен понимать.

– Да понимаю я все, – кивнул Добрыня. – Давай так: у вас, как я знаю, лошади нет в хозяйстве?

– Нет. Вол есть, на нем и пашем.

– Лошадь дам.

– Насовсем?

– Да.

– Откуда такая щедрость? – удивился Макс. – Лошадей, насколько я знаю, не хватает.

– Верно, не хватает, нам их гораздо больше надо. Но и еды нам тоже надо много. Так что выделить на крепкий хутор коня не жалко. Семенное зерно же выделяли, что в вагонах нашли? В займы, но выделяли. А твоя работа в этом походе платой будет. Да и трофеи наверняка возьмете, не с пустыми руками вернешься.

– Что у ваксов брать? Дубинки и горшки? Трофеи, блин... насмешил... Добрыня, нам пора деньги свои вводить, а то так и будем лошадьми да рыбой расплачиваться. Если свои монеты не начеканим, то надо у восточников брать или у южан. Или по примеру Монаха чешуйки делать из серебра и меди. По мне, так лучше готовые монеты южан брать: с ними трений не было и по реке торговать проще. Но лучше свои. Своя монета – это один из главных признаков государственности. Увидят, что у нас есть свои деньги, и лишний раз поймут: мы народ самостоятельный и чужих дармоедов нам не надо.

– Думал я над этим, и не только я. Так что не считай себя самым умным. Ну так что, договорились насчет похода?

– Да. За лошадь я пойду, – усмехнулся Макс.

– А Литали твоя как? Отпустит?

– А кто ее спрашивать будет? Ты, Добрыня, давай тоже женись, и женись на местной. Вот тогда и поймешь всю прелесть семейной жизни. Женщина здесь слова поперек мужчине никогда не скажет и истерику глупую никогда не устроит. Мужчина – это воин и добытчик, женщина – мать и дом хранит. Никакого феминизма и бабских слюней. Скажу ей пару слов, и она через пять минут соберет мне узелок в дорогу. А потом проводит, и проводит так, что уйду с легким сердцем.

– Повезло тебе, значит. Олегу вон Анька может лютый скандал закатить с битьем керамической посуды, если он надолго куда-то намылится.

– Пускай разводится – мы ему богатую и покладистую невесту мгновенно найдем, – ухмыльнулся Макс. – Когда выступаем?

– Дня через два-три будь готов. Думаю, раньше собраться не успеем.

– Вы так долго готовиться будете?! Шнурки не поглажены?!

– Так ведь поход долгий. Надо хорошо подготовиться, ничего не забыть и людей грамотно подобрать.

– Ясно. Ну а нам собраться – только подпоясаться. Считай, что я уже готов.

– Лады. Поехал я обратно тогда, надо еще к Лому заскочить.

– Удачи, Добрыня. И если за холмом на землянике детей увидишь, крикни, чтобы наши домой бежали.

* * *

Островитяне изначально были легки на подъем. Если необходимо было собрать войско и послать в бой, обычно на это дело хватало несколько часов. Нищему долгие сборы ни к чему – все свое у него всегда с собой. Доспехов не было, оружия мало – подпоясался, закинул за плечо мешок с вяленой рыбой и печеными корешками, ухватил в руку копье – и все, к выходу готов. Люди жили скученно, одним поселком – все под рукой, искать никого не надо.

Но это беззаботное время осталось в прошлом. Людей теперь обременили нажитые вещи, и жили они теперь не одной кучкой. В главном поселке сейчас всего лишь около половины народа – остальные кто где. Теперь приходилось рассчитывать, кого и откуда можно призвать, и посылать за ними гонцов. Каждому бойцу надо подобрать доспехи, выделить оружие, запас боеприпасов и продовольствия – все это хранилось на складах. Основные запасы боеприпасов, продовольствия и медикаментов для нужд отряда надо перевозить на вьючных лошадях – лошадей надо выбрать лучших и сбруей обеспечить тоже лучшей. Помимо лошадей часть запасов могут понести клоты: с этими великанами тоже нужно договориться, а еще проследить, чтобы в походе они не

устроили кровавую разборку с ваксами. Друг друга эти союзные племена недолюбливали, мягко говоря. Кроме того, отряд необходимо обеспечить палатками и инструментами, с собой надо взять кузнеца с полевой кузницей для ремонта оружия и доспехов, а также подковывания лошадей. Врач тоже не помешает – со сложной раной без него не справиться. Само собой, понадобится рация с запчастями, антеннами и батареями, ну и радист к ней, естественно, с опытом нужен. Раз параллельно войне отряд будет заниматься поиском полезных ископаемых и картографическими работами, то и Олегу нужны профессиональные помощники: старатели, умеющие работать с промывочным лотком, рудознатцы, знакомые с разными минералами, проходчики, привычные к проходке разведочных шурфов и канав.

Нельзя забыть никого и ничего. Если у врача не окажется шовного материала, раненый ждать не будет. Если у радиста сгорит пустячный резистор, надо иметь при себе набор запасных, а также паяльник, работающий на раскаленных углях, олово и канифоль. В горах ничего этого не найти. Если лошадь потеряет подкову, у каннибалов новую не купишь.

Подготовка отряда – прямая обязанность командира. Олегу поселок давал многое: жилье, одежду, еду, посуду – все, вплоть до досок и гвоздей для изготовления кустарной мебели. Взамен он отдавал свой труд организатора и специалиста, свой местный опыт военного и путешественника. Если он что-то забудет, спрос будет с него.

Изготовление полков пришлось забросить. Целыми днями Олег метался по поселку и его промышленной зоне. С боем согласовав с Добрыней список потенциальных рекрутов, рассылал за ними гонцов или лично сообщал им новости. Часами ругался с Аликом, доказывая, что устаревшие фитильные крупнокалиберные мушкеты отряду в таких количествах не нужны, отчаянно выбивал дальнобойные ружья. Их было не слишком много, и прижимистый главный кузнец пытался вольтанить, затягивая установку замков на новую партию. Параллельно жестоко трусил Лома, требуя срочно изготовить партию разрывных снарядов с пикриновой¹ начинкой. Проклятый химик без тумачков шевелиться не желал, а там делать-то нечего – все почти готово.

Олегу за каждый гвоздь чуть ли не драться приходилось – легче хайтов рубить, чем, допустим, у Булкина с склада выцыганить несколько головок сыра и мешков муки. «Сыр только на великие праздники, мука тоже». Интересно, а жрать что прикажете бойцам? Рыбу? Покушай ее с мясца, а затем поштурмуй засевавших в горах каннибалов? Что, неудобно? Ласты мешают? Так это они от такой диеты от-

¹ *Пикриновая начинка* – пикриновая кислота, взрывчатое вещество. В XIX–XX вв. активно применялась в военном деле под разными наименованиями. В России «мелинит», в Англии «лиддит», в Японии «шимоза» («шимозе»). Из-за трудностей с хранением и многочисленных несчастных случаев в настоящее время практически не используется. Активно применяется различными террористами, чему способствует простота производства в кустарных условиях. – *Здесь и далее примеч. авт.*

росли.

Домой Олег заваливался только вечером, и здесь его встречала любимая супруга. Любимая то любимая, но не без недостатков: она и в спокойные времена смиренным характером не отличалась, а теперь, мечтая познать радость материнства, и вовсе не расставалась с ручной циркулярной пилой. Пилила, разумеется, Олега. Женская логика: «Ты специалист по кораблям, и если тебя куда-то послали топтать пешком, то не должен идти. Пусть Макс топает туда или Кабанов». Ну да, как будто если бы Олега послали по воде, она бы этому сильно обрадовалась и пилу свою выключила. Как бы не так: знаем – проходили.

Может, на годик ее к кшаргам отправить, на перевоспитание?

Но как бы ни давили сроки и обстоятельства, свой отряд Олег подготовил вовремя. Восемьдесят три бойца, не считая Олега, Макса и Дубина. От клотов, после мучительных раздумий, решил отказаться. Напрягала даже не вероятность очередной драки союзников между собой, а некоторые странные особенности этих гигантов. Действовать придется вдали от хороших рек, клотам это очень не понравится – они уже в сотне метров от берега чувствуют себя неуютно. Олегу удалось выбить семнадцать лошадей – этого хватит для перевозки запасов продовольствия и боеприпасов, палаток, двух небольших пушек и другого имущества. Боец должен идти налегке, не обременяя себя тяжелым грузом.

По прикидкам Олега, отряд мог целый день вести ожесточенный бой с многочисленным неприятелем – боеприпасов должно хватить. Продовольствия, увы, не слишком много – хватит недели на три, если не излишествовать. Но в этом деле обещал помочь Мур – союзные ваксы будут снабжать землян дичью и рыбой, да и сами люди по пути могут охотиться.

На сборы ушло четыре дня.

Утром пятого, попрощавшись с женой и поселком, Олег повел отряд на юго-запад. Через два часа колонна достигла каменной арки – загадочного наследства давно исчезнувшего народа. Один короткий шаг, и человек оказывался далеко к западу – в предгорьях, за такой же аркой выхода. Очень удобное устройство – сэкономило отряду несколько дней.

На другой стороне портала их уже ждал Мур с сотней своих лучших воинов. Встреча была не торжественной: люди и ваксы буднично смешались в совместную колонну и выступили на запад. Там, среди вздымавшихся на горизонте скалистых гор, их ждал бой с каннибалами.

Глава 5

Неприятности начались сразу – пленники не успели даже отойти от поселка. Обуху ходьба противопоказана, он сегодня при сборе травы на коленях ползал, стараясь не беспокоить распухшую ступню. Но ходить на одной ноге невозможно, и секира, на которую он сейчас опирался, не особо помогала. Бедняга начал отставать с первых шагов. Одна из женщин, немолодая, с зимы страдающая почками, плелась рядом с ним на своих распухших ногах.

Большая часть народа стремилась побыстрее удалиться от пирамиды, и на отставших доходяг не оглядывались. Андрей, оценив темп передвижения Обуха с «подругой», нагнал Киркорова, хлопнул его по плечу. Немой, обернувшись, вопросительно уставился на товарища:

– Кир, давай в поселок вернемся, котел прихватим. Пожар там уже затих. Все сгорело, конечно, но котел-то сгореть не мог? Пригодится он нам. Наши медленно двигаются, мы их легко потом догоним.

Кир, обернувшись на отставших беглецов, понимающе кивнул, зашагал назад.

Андрей, топая следом, поравнявшись с Обухом, успокаивающе предупредил:

– Мы котел захватим и потом догоним вас, так что сильно не торопитесь.

Уже дойдя до сараев, Андрей стал понимать, насколько же безрассудно он себя ведет. А если аборигены очнулись? У него есть связка из трех дровишек и топорик, у Кира топорик и секира. Ерунда – толпа дистрофиков и обезьян их и без оружия задавит. Вот зачем ему дался этот котел?!

Впрочем, чего он паникует? Если охрана уже пришла в себя, то все равно их догонят. Двенадцать изможденных мужчин и семь женщин на серьезный отпор неспособны.

Котел оказался на месте – так и стоял возле все еще дымящейся башни. И что там может дымить, ведь выгорела дотла еще при первом запуске. Андрей ухватил посудину за край, поднял на плечо. Не особо тяжелый, но неудобный. Плохо, что нет дужки – пропустили бы через нее древко секиры, и можно вдвоем нести.

Железный треножник-подставку ухватил Кир – он, похоже, вообще не проявлял признаков беспокойства. Немой, даже не глядя в сторону застывших аборигенов, подошел к сараю-складу, где ютились обезьяны, ударом секиры разнес тлеющие останки двери, заглянул внутрь, тут же выскочил назад. Повернувшись к Андрею, сокрушенно покачал головой. Ясно – значит, запасы ингредиентов для халвы огонь сожрал. Там до сих пор пламя бушует: пылают обломки обвалившейся крыши и мешки с продуктами. Жаль, ведь кормить девятнадцать ртов чем-то надо.

Кир, стоя у дверей, смотрел на Андрея как-то странно, будто ждал от него чего-то. И Андрей понимал, что именно

от него ждет товарищ, но колебался, — не отвечал на молчаливый вопрос. Он и сам не понимал, что ему сказать. Пауза тягостно затянулась — ни Кир, ни Андрей не трогались с места. Язык заработал сам собой, нехотя цедя откровенные слова:

— Кир, с такой толпой мы не сможем двигаться быстро. Обух и эта баба едва плетутся, остальные немногим лучше их. Мы с тобой здесь самые сильные и опытные. И ты, и я неоднократно убегали, и догоняли нас нескоро. Если будет погоня, то в первую очередь кинутся по следам большой группы. Пока местные их догонят, мы, наверное, успеем уйти очень далеко — сам это понимать должен. Шансов у нас с тобой без них гораздо больше. Но если хорошенько подумать... Кир, все эти слова о том, что здесь есть и другие люди, — это же из пальца высосано. Наши домыслы. Просто теория. Да, логика есть, и факты кое-какие есть, но мы не можем точно знать, что на этой планете есть другие люди. Возможно, мы просто выдаем желаемое за действительное — сами себя обманываем.

Немой не шевелился, на лице его не дрогнул ни один мускул. Ему тоже надо было принимать решение. Кир может и в одиночку в степи прожить, он местный рекордсмен — по несколько дней, бывало, бегал. Одному ему проще всего — никакого отягощающего балласта. Хотя, конечно, Андрея трудно к балласту причислить. Он тоже побегал неплохо и находится в приличной форме. С другой стороны, иде-

альный вариант – это когда пленники разобьются на мелкие группки: вылавливать их если и будут, то по очереди, и шансы у выносливого одиночки при этом будут максимальны – за ним пойдут в последнюю очередь. Первыми постараются выловить группы, по хорошо натоптаным следам.

– Ты представь, что больше здесь людей нет. Только мы. – Андрей продолжал гнуть свою линию. – На всю планету всего лишь девятнадцать человек. Если нам удастся найти район, где нет этих аборигенов, мы сумеем там обосноваться. У нас есть пять женщин, из них три молодые. Это наше будущее – у них могут быть дети. Да не кривись ты: отмыть их, и красавицами покажутся. Других-то все равно нет. А сами мы, если пойдем... Ну ладно, бросим мы с тобой этих тихоходов – уйдем без них, налегке. Найдем себе удобное местечко, заживем счастливо и с огромными перспективами. Да? Ты об этом сейчас мечтаешь? Если так, то чур я буду в нашей паре не женой. Мужем тоже нежелательно, но если другого выбора не будет, тогда, конечно, ради вашего счастья я готов почти на все.

Кир на шутку не отреагировал. Неопределенно хмыкнул, подкинул треножник на плечо, развернулся, зашагал к полосе, в сторону удалявшейся кучки пленников.

Андрей, не сдержав торжествующей усмешки, подхватил котел поудобнее, пошел следом.

За полосой, метрах в трехстах, расселись пленники. Они терпеливо ждали Андрея и Кира. Все семнадцать. Никто не

ушел, бросив отстающих. Те, кто вырвался далеко вперед, вернулись к Обуху.

Видимо, не один Андрей такой умный.

* * *

Солнце зашло за горизонт, степь растворялась в сумерках. Умолкли птицы, перестали стрекотать кузнечики – их сменили ночные сверчки.

Люди продолжали идти. По прикидкам Андрея они удалились от поселка километров на десять – двенадцать – ничтожное расстояние. Если бы он шел сам, минимум вдвое больше бы вышло. Ладно, чего уж там – выбор сделан, не стоит теперь жалеть.

Официального лидера в их группе не было, но неформальных наличествовало сразу три: Прапор, Лысый и сам Андрей. Причем последнего можно считать лидером лишь из-за физических данных. Нет, он не был атлетом. Просто ему крупно повезло: за эти годы он не заработал букет разрушительных хронических заболеваний и не покалечился. Учитывая природную выносливость, можно смело считать его звездой спорта – соперников здесь ему нет. Кира можно в расчет не брать: он, конечно, посильнее будет, но столь молчаливого мужика в роли лидера вообразить тяжело.

Все лидеры молчали: никто даже не заикался о ночлеге. Друг на друга, правда, поглядывали многозначительно, ожи-

дая, что кто-то все же не выдержит и начнет отдавать разумные распоряжения на эту тему. Но вообще-то больше надеялись на Обуха – по привычке: бедолага с самого начала задавал темп продвижения отряда. Когда нога доставала его окончательно, он сел, тем самым давая сигнал к привалу. Вот и сейчас – если сядет, то на этом месте они и заночуют.

Суетливый Гнус, не выдержав тягостного молчания смертельно уставших беглецов, сдался первым, нервно, глотая слова, зататорил:

– Мужики, сейчас ведь совсем стемнеет, мы ноги поломаем, если так и будем шагать дальше. Когда останавливаться будем?

Андрей, оглянувшись на хвост колонны, поймал на себе взгляд Обуха. Глаза товарища сверкали столь красноречиво, что не выдержал, отвел взор. Слава богу, что не он тогда загнал себе в ногу эту проклятую железку. Страшно представить, что сейчас чувствует Обух. Один из сильнейших мужчин стал обузой отряда. Жутковато ему наверное... врагу не пожелаешь такого...

И еще Андрей понял – Обух не остановится. Он, похоже, дошел до такого предельного состояния, что уже не замечает боль. Так и будет шагать, пока не разорвется от усталости сердце, пытаясь доказать всем, что он не обуза, что он прежний, сильный и выносливый Обух, могущественный повелитель тяжелых носилок.

Ждать, когда свалится он или эта распухшая женщина? Ну уж нет. Раз так, то командовать будет Андрей.

Не останавливаясь, он указал вперед:

– Мы сейчас спускаемся в низину, это похоже на пологий склон балки. Вон, внизу, в ложбинке, кусты темнеют вроде бы. Может, там воду найдем? Еды у нас нет, но хоть напьемся. Будет вода или нет, не знаю, но заночевать можно там.

– Не вижу я внизу ни ложбинки, ни кустов, – устало заявил Лысый. – Темно там уже... не разглядеть ничего.

– Сейчас, конечно, не видно, но я еще на закате с пригорка разглядел, что четкая темная полоса идет: видимо, растительность густая. Не уверен, что внизу есть вода, но проверить-то можно? Минут за десять спустимся, если так и будем идти.

Никто не возражал. Даже Гнус ничего не сказал. Плохо дело, если у неутомонного студента сил не осталось на комментarii. И ведь прошли-то всего ничего, и не слишком быстро двигались, а народ совсем вымотался.

Как же дальше с ними идти? Андрей, конечно, и сам подустал, но при необходимости мог бы шагать еще всю ночь. Хотя, когда совсем стемнеет, нежелательно это – не хватало еще в полном мраке ногу поломать в какой-нибудь норе.

Андрей чуть не сглазил: уже в конце спуска, когда впереди действительно показалась темная полоса непонятной растительности, одна из женщин оступилась, рухнула на бок, вскрикнула. Над ней склонился Кир, подхватил под руку,

поднял. Прапор, подскочив к пострадавшей, нервно уточнил:

– Живая?

– Да, – дрожащим голосом ответила женщина.

– Ну баба!.. Смотри куда ступаешь! Если сломаешь ногу, мы нести тебя не сможем!

Андрей даже шаг не замедлил – спешил к финишу. Сбросив с плеча котел, зашарил рукой в зарослях, довольно воскликнул:

– Да это тростник! И сухой, прошлогодний, и зеленый – в этом году уже вырос! Надо воду поискать! Здесь устраиваемся, рядом с зарослями – тут трава мягкая и ровно!

Вломившись в заросли тростника, Андрей преодолел их, добрался до подъема – противоположный склон балки оказался гораздо круче. Проклятье – воды по пути не обнаружил!

Ниже затрещал тростник, оттуда выбралась здоровенная фигура, молча поманила рукой за собой. Андрей без вопросов двинулся следом – спрашивай не спрашивай, Кир не ответит.

Немой остановился на краю крошечной полянки, окруженной высокими зарослями тростника, припал на колени, зачерпнул ладонями, зачавкал. Рухнув рядом с ним, Андрей наклонился до самой воды, присосался жадно, распрямился, закашлялся. Человек не собака – лакать по-звериному неудобно. Пришлось черпать ладошками.

Вода теплая, наверняка мути в ней хватает. В любом случае она должна быть несравнимо качественнее, чем поселковая бурда. Видимо, ручеек по ложбинке идет лишь после таяния снегов и крупных дождей. Сейчас дождей не было давненько, он пересох, но им повезло – осталась эта приличная лужа.

– Кир, посиди здесь, – попросил Андрей.

Он боялся, что в темноте будет трудно найти это место в густых зарослях, вот и оставил товарища живым ориентиром.

Вернувшись к остальным, увидел, что все беглецы валяются пластом, будто мертвые. Крепко вымотался народ...

– Подъем! Мы воду нашли! Давайте, пока еще немного видно, надергайте травы хоть немного и вон кусты порубите, разведем огонь. Если вскипятить не хватит, то хоть подогреем.

Схватив котел, зашагал назад. С помощью Кира начал набирать в котел воду – зачерпывали ее ладонями. Лужа не слишком глубокая, дело продвигалось медленно. При этом Андрей понял, что насчет кипятка он сильно погорячился: кружек у них нет, а если девятнадцать человек будут хлебать его из котла по очереди, выйдет затяжной цирк. Тарелок тоже нет... и еды никакой нет... Стоп – эти мысли надо из головы выбросить. Два года жили впроголодь, если денек поголодают, ничего страшного – привычные.

Но завтра надо что-то решать, срочно... Ящериц ловить?

Девятнадцать рыл накормить... Сколько же на это потребуется ящериц и где их столько поймать? Охотиться попробовать? Дротики у них есть – дистрофики-охранники охотились именно с ними. Но это ведь привычные к экзотичному оружию аборигены – люди метко бросать их не умеют. Да и с дичью тут негусто – за целый день и одного зайца не видели, не говоря уже о чем-нибудь посолиднее. Лишь несколько сусликов по пути замечал, но к ним подходить бессмысленно – мгновенно в норы прячутся. Птицы тоже близко не подпускают.

Если они не найдут себе продовольствие, через два-три дня все превратятся в полуживых доходяг. Два года лишений не шутка – резервов в организмах вообще не осталось. Им нужно поесть хоть что-нибудь, нужна энергия, иначе гнить им в этой степи.

Андрей внезапно поймал себя на мысли, что скучает о пайке халвы. Дожил...

Котел наполнили полностью. На глаз в нем ведра два с лишним, – на девятнадцать человек по два литра точно выйдет. Несли вдвоем, аккуратно – ручек нет, если уронят, то придется черпать заново.

Пленники без дела не сидели: рубили сухие стебли прошлогоднего тростника, шарили по склону, уничтожая чахлые кустики. Кир установил треногу, взгромоздил на нее котел, вопросительно оглянулся на подошедшего Прапора. Тот, скинув охапку веток кустарника, устало проговорил:

– Зажигалка у меня сохранилась, но газа в ней осталось на донышке. Андрей, стоит ли сейчас возиться с огнем? Он нам сильно нужен?

– Я просто думал, что неплохо бы кипятку сделать. Правда, кружек нет, неудобно.

– Топлива тут маловато, да и долго ждать кипятка. Все устали. Может, ну его – просто спать завалимся? Да и страшновато – мы ушли недалеко, если за нами погоня идет, то могут огонь заметить. В темноте костер очень далеко видно.

– Прапор, если за нами идет погоня, костер уже не навредит – все равно догонят... мы слишком медленно двигаемся. Хотя насчет костра ты, наверное, прав – не стоит с ним возиться. Были бы тут деревья и высокие кусты, еще куда ни шло, а этот мусор... Мгновенно выгорит, ночью не согреться возле него будет. Да и зажигалку твою побережь надо. Огниво у Жмота осталось, он им очаг в поселке разжигал... не догадались у этой твари забрать...

– Во! Я о том же!

– Эх... зря только топливо собирали.

– Почему зря? На траве расстелем: помягче лежать будет.

– Ночью замерзнем. Вон все небо в звездах. Надо лечь потеснее друг к другу, теплее будет.

Лысый, сбросив охапку тростника, хрипло скомандовал:

– Мальчики и девочки, все слышали?! На горшок и спать. Завтра у нас будет трудный день.

Народ безропотно принялся укладываться. Андрей, рас-

кидав под собой немного тростника, улегся сбоку от Гнуса. Тот не удержался от комментариев:

– Дрю! У тебя ко мне прямо подозрительная любовь! Ты в сарае вечно мой бок грел и здесь тоже устроился. Эй, девочки, может, вам его на перевоспитание отдать? А то совсем испортился мужик!

– Помолчи уж, – устало попросил Андрей. – Не до шуток, никто смеяться не будет.

– Говорят, смех продлевает жизнь. – Гнус упорно не желал успокаиваться. – А интересно, желудок смехом можно набить? Я уже готов траву жевать. Дрю, а что мы тут жрать будем?

Вопрос, естественно, заинтересовал многих. Андрей физически ощутил, как все насторожились.

Прапор уточнил запрос Гнуса:

– Вы с Киркоровым, когда бегали, что здесь ели?

Андрей, помедлив, нехотя пояснил:

– Я щавель собирал в низинах, барбарис осенью находил – в степи его везде хватает, а весной одуванчиков листья жевал. Бывало, земляника попадалась, а осенью шиповник и боярышник. По ручьям дикий лук попадался, а один раз на ремень нарвался. Ящериц иногда ловил, сырыми лопал, чуток подвялив. Однажды, было дело, кузнечиков насобирал штук сто, оборвал им крылья и задние лапы. Ничего, на вкус не так уж страшно оказалось. Один раз вообще повезло: гнездо птичье нашел, а в нем яйца. Яйца приличные, белые, с

серенькими крапинками. В них уже зародыши крупные были, но вполне съедобно оказалось. Пробовал даже на суслика охотиться – долго караулил его возле норы. Эта тварь осторожная – нос высовывал, но выбираться не хотел. Я по-всякому пытался его достать и так увлекся, что прозевал подход погони: оглянулся, а дистрофики уже в десяти шагах за спиной. Мне бы еще часик, и я бы его, может быть, и обманул.

– Ну а Киркоров что жрал? Тоже кузнечиков?

– Что ты ко мне пристал? Кира и спроси. Я его не кормил, мы ведь поодиночке бегали.

– Так иногда вы вдвоем побег устраивали, вместе уходили.

– Ну да. Но это мы специально договаривались. Отходили от поселка вдвоем, а дальше разделялись. Думали, что погоня вся за одним пойдет, а у второго будет шанс уйти далеко и затеряться.

– Понятно, – вздохнул Прапор. – Мне так кажется, что щавелем и одуванчиками девятнадцать рыл не прокормить...

– А кузнечики? – спросил Гнус. – Их же здесь полно.

– Забудь. Я тогда часа четыре убил, чтобы наловить их горстку. Мелкие заразы и жрать там нечего. Если весь день на них угробить, может, грамм сто и насобираешь. А это крохи... бессмысленно...

– А ручей, куда нас за дровами гоняли? – вспомнил Лысый. – Там земляники полно по склонам, а на берегах дикий лук. Лягушки в воде, рыбешки какие-то шмыгают – мелкие, но много вроде. Сделать из веток и травы ловушки и поло-

вить можно попробовать. Жаль, что сейчас не осень: осенью там терна очень много, и барбариса, боярышника, рябины.

– Тоже забудь. Ручей далеко в стороне остался. Да и мало там еды: на одной землянике и щавеле с луком не разжиреешь. А оставаться в том месте надолго опасно: я там видел тропинки и на другом склоне, – возможно, это следы групп аборигенов из других поселений. Они тоже могут приходить за топливом на зиму. Нам нарываться на такой отряд нежелательно. Так что не вижу смысла туда идти.

– А вообще какие планы тогда? – вновь вылез Гнус.

– Планы простые. Сейчас мы все поспим. Утром встанем и будем идти строго на юг.

– Почему на юг?

– Потому. На юге теплее. И не бесконечно же эта степь тянется? Климатические зоны должны сменяться по пути с севера на юг. Я всегда туда бежать старался, почти уверен, что там обязательно найдется нормальный уголок для человека.

– Дрю, а вдруг здесь вообще нет других людей? Челюсть та и другие ваши рассуждения, это же не факт еще. Мало ли... Вдруг вся планета заселена этими тварями? Куда не пойдём, везде будут только они?

Андрей ответил не сразу, но ответил, как отрезал:

– Если это так, то рано или поздно нас поймают и накормят халвой. Всем спокойной ночи, я уже сплю.

Этой ночью Андрею ничего не снилось. А жаль. Если бы хоть во сне покормили стюардессы, было бы неплохо и вообще очень полезно для психики. Жрать хотелось просто смертельно. Временами, пробуждаясь от ночного холода, он жался к телам товарищей, смутно сознавал, что ужасно хочет есть – даже во сне его не покидало чувство голода, но это не мешало ему мгновенно засыпать.

Проснувшись уже на рассвете, услышал, как кто-то пробирается в зарослях тростника. Насторожился, выкарабкался из груды тел, подхватил свой топорик. Увидев, как на противоположном склоне балки показалась удаляющаяся спина Кира, успокоился. Но на душе стало горько. Неужели немой все же решил их бросить?

Не хотелось в это верить.

Ладно, разберемся.

Пройдя к луже, смочил лицо, напился. При свете зари увидел, что вода кишит разнообразной микроскопической живностью. Наверняка и невидимых бактерий в ней немало... причем не обязательно полезных... Ладно уж, хуже поселковой жижи во Вселенной быть ничего не может, а ее частенько и сырую пили – топлива на обеззараживающее кипячения хронически не хватало.

Оглянулся на полянку, предоставившую беглецам ночлег.

Народ, несмотря на рассветный холод, упрямо продолжал спать. Лишь Обух бодрствовал – присев в сторонке, возился со своей больной ногой.

Кира Андрей догнал в конце подъема. Стоя на самой вершине, немой внимательно смотрел куда-то вдаль и на приближающегося товарища не обратил ни малейшего внимания. Андрей, еще не добравшись до него, понял – Кир не собирался бросить отряд. Кир просто хотел осмотреться.

Встав возле него, Андрей посмотрел туда же. Первое желание появилось мгновенно – надо удрать как можно дальше отсюда. Это он сгоряча так подумал: уже второй взгляд привел к новым открытиям и заставил осознать – спешить с бегством не стоит.

За балкой тянулась степь. Такое же скудноватое серо-зеленое пространство, царство травы и кузнечиков. Ни кустика, ни деревца. Примерно в полукилометре виднелся поселок. Весьма похож на старый, единственное отличие – по периметру тянется забор из кирпича-сырца. Невысокий – метра полтора, но у них в поселке вообще никакого не было. За этим поселением тоже виднелась пирамида. Она была абсолютно не похожа на ту двуглавую громадину, что была у них. Одновершинная, ступенчатая, угловато-нескладная, со сбитой макушкой. Но такая же пугающая – мгновенно вспомнились все запуски.

Интересно, а что запускали здесь?

Страх не было. Даже отсюда хорошо заметно фатальное

запустение. Поселок не просто переживает упадок – поселок умер. Умер не так давно, еще не все крыши окончательно провалились, и постройки стоят почти целые... если не приглядываться особо пристально. Странно, даже башню в центре можно разглядеть. По одному типовому проекту тут все селения строили, что ли?

Кир покосился на Андрея и направился к поселку. Тот его прекрасно понял – зашагал следом. Сомнительно, что в этих руинах они найдут продовольствие, но потратить немного времени на изучение не жалко. Мало ли что они обнаружат.

Вблизи поселок оказался неприглядным – жилым селением он уже не выглядел. Все, это уже объект для археологов. Трудно сказать, когда его покинули обитатели... В том месте, где держали Андрея и других пассажиров, каждую весну несколько недель отводилось на «латание дыр». Из смеси глины, золы, песка и рубленой соломы лепили новые кирпичи, ремонтировали пострадавшие от непогоды постройки, мелкие изъяны заклеивали наскоро, кое-как. На следующий год их приходилось чинить заново, прикладывая уже побольше сил. Некоторые сараи в итоге превратились в сложную систему «заплаток» и отдельных реликтов первоначальных несущих конструкций. А некоторые вообще бросали – проще такую рухлядь оставить рассыпаться, чем поддерживать в приличном состоянии. Благо места в оставшихся сараях хватало для всех.

Стоп, а почему хватало? Ведь когда сюда упал самолет,

здесь было полсотни аборигенов. И уже тогда места было более чем достаточно, даже с учетом выживших пассажиров. Смысла в лишние сооружения не было... Выходит, раньше в их поселке обитало больше жителей? Наверняка так оно и есть... Получается, когда-то там был расцвет, а они рухнули к ним уже в период упадка?

С этим поселком было сразу все понятно: расцвет его был давненько, как и упадок – сейчас остался гниющий труп. Дряхлые сараи держались на честном слове – сложнейшая система рассыпающихся «заплаток». Нечего и мечтать о еде: даже если здесь оставили нетронутый склад продовольствия, степные грызуны и птицы давно его растащили. Здесь уже несколько лет нет никого и ничего. Выглядит все настолько мертво, что даже фильм ужасов тут снимать страшно – нервы зрителей нужно беречь.

Кир обнаружил уцелевшую дверь. Как и в старом поселке, она была изготовлена из тонких жердей, связанных кожаными ремнями и полосками лыка. Толкнул ее древком секиры – дверь мгновенно превратилась в грудку трухлявых обломков.

Нда... похоже, давненько ее не открывали...

Андрей, не обращая внимания на изыскания товарища, направился к пирамиде. По пути его ждало открытие: он обнаружил некое подобие такой же полосы, только гораздо скромнее. Длиной не более сотни метров, шириной раза в три меньше. Но самое интересное он обнаружил на самой полосе.

Кости. Десятка три скелетов. Андрей не разбирался в анатомии, но здесь не надо быть специалистом. Перед ним были не человеческие останки – это было ясно с первого взгляда. Шесть крупных костяков, облепленных трухлявыми доспехами и кусками засохшей кожи, поросшей скудной щетиной. Стертые массивные зубы в широких челюстях, низкие черепа с покатым лбом и массивными надбровными дугами, широченные грудные клетки. Это все, что осталось от местных обезьян – сородичей Чубаки. Остальные скелеты принадлежали дистрофикам: длинные тонкие кости, вытянутые, яйцевидные черепа, мелкие зубы, местами сточившиеся до десен, гротескно вытянутые руки.

Эти создания расселись на полосе и сидели так, покуда не умерли. Крупные хищники или падальщики над ними не поработали – кости практически не потревожены. Куда же делось оружие? Кто-то забрал?

Интересно, а ведь аборигены в их старом поселке расселись так же после последнего запуска, сломавшего механизм пирамиды. Тоже собрались сидеть, пока костлявая старуха не придет? Если так, туда им и дорога. Тогда понятно, куда пропало оружие: возможно, сюда прибыл очередной караван тележек, запряженных здоровенными гуманоидами, и, застав лишь трупы, удалился, прихватив ценное имущество.

Заметив в одном из скелетов нечто странное, Андрей пригнулся, осторожно сдул пыль с грудины. В серой кости тускло отсвечивал желтоватый камень в оправе из серебристо-

го металла. Это не выглядело как прижизненное украшение, таскаемое раньше на груди. Эта штука явно имплантирована в костяк при жизни владельца. Бегло осмотрев остальные скелеты, Андрей убедился, что у каждого в груди есть такая же странная вещица. Кроме того, он обнаружил, что кое-где кости связаны тончайшими металлическими нитями, а серебристая, почти невесомая сеточка из того же металла опала на брюшине. Будто облепляла кишечник при жизни.

Кир, не заинтересовавшись скелетами, давно уже лазил у подножия местной пирамиды, заглядывая в многочисленные распахнутые люки. Люки здесь были несолидные – «огурец» при запуске отсюда не выползет, но все равно впечатляют: пара карьерных грузовиков борт о борт спокойно проедут.

Подойдя к товарищу, Андрей заглянул в один из люков. Сперва изучил створки – у своей пирамиды это посмотреть ему не удавалось. Так и есть: они только кажутся каменными – на самом деле металлическая рама, покрытая гранитными плитками. Открывается давлением штанг, выползающих из труб, – похоже на обычные гидроцилиндры.

Внизу трудно было рассмотреть все подробно – солнечный свет туда не доставал. Угадывалось огромное подвальное помещение, протянувшееся под всем сооружением, своды его поддерживались рядами арочных креплений. Между этими рядами шли цепочки солидных бассейнов. В каждом бассейне среди груд мусора, плавающего в грязной жиже, возвышалось... Больше всего это было похоже на поло-

винку вытянутой дыни, с кожурой, разбитой на аккуратные шестигранные сегменты. Вроде геометрически выверенной чешуи. Размеры этих «половинок» были различны – в некоторых не более двух метров, а в самых больших на глаз не менее десяти.

И запах – будто уксус где-то внизу разлили, причем перемешали с чем-то настолько мерзким, что вряд ли раньше приходилось сталкиваться с подобной гадостью, иначе бы запомнил на всю жизнь. Ближайшая аналогия: годами не стиранные носки решили сжечь в пламени от автомобильной крыши. Андрею не приходилось заниматься подобным непотребством или осознать такие чудовищные ароматы, но почему-то ассоциация возникла именно такая.

– Да что это там так смердит, – не выдержал Андрей, – у нас вроде бы так не воняло.

Кир, разумеется, ничего не ответил. Красноречиво сплунул в подземелье, развернулся, зашагал назад к балке. Отлично – приятно убедиться окончательно, что товарищ не собирался покинуть коллектив. У Андрея и мысли не возникло спуститься вниз, чтобы продолжить исследования. Не верится, что там, среди этой кошмарной вони, удастся найти что-нибудь съедобное.

Он поспешил вслед за Киром.

Лагерь уже пробудился. Народ при дневном свете легко нашел лужу – ее обступили со всех сторон. Люди пили и умывались, котел никто и не подумал наполнять. В принципе верно: варить им нечего, чая тоже не предвидится, запас воды с собой в этой неудобной посудине не потащишь.

Спускаясь, Андрей поймал на себе взгляд Прапора. Странный взгляд – выражает явное облегчение. Не столь уж странно – мужик просто доволен, что Кир с Андреем не свинтили подальше, бросив всех. Если отряд лишится самых сильных своих мужчин, шансы на выживание резко уменьшатся.

Их и без того немного.

Пить не хотелось – он хорошо напился, когда умывался. Перед выходом хлебнет еще немного, про запас – лишь бы эта толпа не смешала воду с грязью.

Миновав полосу тростника, Андрей направился к Обуху – бедняга так и сидел на том же месте, разглядывая ступню. Остановившись над товарищем, поинтересовался:

– Ты хоть воды попил?

– Да, – устало ответил Обух. – Я давно уже не сплю и раньше всех напился.

Андрей заподозрил, что он вообще не спал, но уточнять постеснялся. Вместо этого наклонился, в упор уставился на

ногу товарища. Увиденное ему очень не понравилось.

Ступня раздулась настолько сильно, что непонятно, как в ботинке уместается. Но не это напрягало больше всего, а цвет. Цвет... Синюшный, какой-то неживой, ничего общего с обычной здоровой кожей. Рана и не думала затягиваться – края ее разбухли, превратив глубокий порез в пародию на уродливый рот с запекшимися потемневшими губами. Оттуда сочилась тягучая слизь с комками гноя. Нос неприятно пощекотало запахом ядреного сыра. В принципе, если подумать, запах не столь уж и неприятный, но только если он не идет от воспаленной раны.

Да и не похоже это на воспаление. Это похоже... Андрей не врач, но вид раны и ступни ему очень не понравился.

Очень.

Обух, видимо уловив в глазах товарища нечто для себя неприятное, нервно спросил:

– Что такое? Андрюха, что там не так?

Поколебавшись, Андрей нехотя ответил:

– Я не врач, не могу быть уверен. Но в одном уверен точно – твою ногу надо показать хорошему врачу. И желательно побыстрее.

– Думаешь, совсем плохо? – почти спокойно уточнил Обух.

– Не знаю. Но воспаление сильное, сам же видишь. Ты уверен, что в ране ничего не осталось? Может, там стружка от металла или еще что-нибудь, и от этого идет нагноение.

– Откуда я могу знать. Лысый с Прапором вытаскивали, не должны были оставить, вроде неглупые мужики. Но они же не врачи, может, что-то и осталось. Или просто грязи много на той железяке было.

– Сильно болит?

– Ступня вообще не болит, но лодыжка побаливает. Особенно вот тут, над сухожилием. Дрю, ты думаешь, это заражение поднимается?

– Я ничего не думаю... Сказал же – не врач я. Не могу я диагнозы ставить. Ты идти сможешь?

– А у меня есть выбор? – невесело усмехнувшись, поинтересовался Обух.

– Нет, – честно ответил Андрей. – Мы не сможем тебя нести, люди обессилены, это нас очень замедлит. А оставаться здесь нельзя, в этом месте нечего есть. Да и опасно, наверно мы нашли развалины поселка аборигенов, не исключено, что в округе есть и обитаемые селения. Если нарвемся и нас заметят, то все будет кончено.

– Я понимаю... Я буду идти. Не так все и страшно – я ведь почти не ощущаю ступню... будто кусок дерева... как неживая...

Андрей, чувствуя себя очень неудобно, решил пояснить:

– Мне кажется, твоей ноге покой пошел бы на пользу. Может, если несколько дней полежать, и легче станет. Бывает, что потоком гноя выносит всю грязь, рана очищается. Вот только... Обух, мы не продержимся здесь несколько дней.

Боюсь, если сегодня или завтра не найдем еду, народ начнет валиться с ног. Это будет конец...

– Андрюха, не грузись. Буду идти, куда смогу. Даже если... если оставите меня... Все нормально. Я бы, наверное, тоже оставил такого... Это будет правильно.

– Никто тебя не оставит! Я не говорил такого!

– Знаю. Я так, на будущее. Если будете делать выбор между носилками и оставлением... Ну ты понял, нести меня не нужно.

– Надеюсь, до такого не дойдет. Эх!.. Обух, и угораздило же тебя эту железку в ногу поймать!

– Дрю, помни – носилки мне не понадобятся.

Глава 6

Макс преодолел последние метры, помогая себе руками. Крутой склон увенчивала скалистая вершина, рисковать здесь не стоит – если оступишься, катиться вниз придется долго. Встав рядом с Олегом, давно уже украшавшим собой макушку скалы на манер скульптуры, уточнил:

– Статуя Командора, ты жрать-то будешь или завещаешь свою генеральскую порцию мне?

– А рыло у тебя не треснет?

– Да я и три такие съем, а то и больше. Хороший аппетит – первый признак чистой совести. Олег, ты чего здесь забыл? Час уже стоишь, пошли в лагерь, стемнеет скоро.

– Сейчас спущусь. Я просто вспоминаю...

– Что?

– Видишь вон ту реку, там, у подножия?

– Ну вижу. Не река, а ручей в канаве.

– Нет, это тебе просто кажется. На самом деле воды там много. Вон где-то там, похоже на склоне той двугорбой горы, я очутился два года назад, когда все случилось. Точное место не знаю... не уверен... я тогда... Ну плохо с головой было, а потом не до разглядываний окрестностей стало.

– Да это у всех. Я, когда сюда попал, долго путал небо с землей. Потом ничего, быстро привык.

– Я не знаю, путал или нет – я прямо в лапы ваксов по-

пал. Меня они оглушили и притащили в свою пещеру. В тот день у этих тварей настоящий праздник был, ловили по всей округе наших. Мы сопротивляться не могли, хватали нас как слепых котят...

– Понимаю. Оружия нет, оглушены после перехода, а кто соображать начал, тот, наверное, сбрендил немного. Я когда понял, что не на Земле, шок испытал конкретный.

– Да нет, шока от этого не было. Мы тогда вообще не понимали еще, куда угодили. Про другие миры и слова никто не говорил. Нас, наверное, десяток тогда был, запертых в пещере. И еще двоих ваксы сразу освежевали у входа. Вот это для нас оказался сильный шок... Причем, гады, выбрали тогда самых толстых...

– А чего тут удивительного? Ты бы на их месте тоже худыми побрезговал. Я, кстати, эту печальную историю уже пятьсот раз слышал от тебя и от Ани. Да и Алик с Кабаном рассказывали. Причем с каждым разом были все новые и новые подробности. В первых версиях вы попросту нашли лазейку из той пещеры и улизнули, по пути жестоко набив морду одному ваксу. В последних версиях уже фигурировали разрушения пещеры и победоносный марш к Фреоне через арку телепорта.

– Вранье это, – усмехнулся Олег. – В пещере ничего не разрушили, лишь валун один отодвинули и ветки раскидали в лазе наружу. А через телепорт к Фреоне попала только группа Алика и Кабана. Я с Аней как дурак пешком топал

всю дорогу.

– Тоже неоднократно слышал про ваше романтическое путешествие. Приблизительно те же пятьсот раз. Пошли вниз, ужин остывает.

– Ладно, пошли.

Военный лагерь люди поставили на плоском уступе холма. Восемь жилых палаток расположили квадратом, внутри него стояла штабная палатка и две складских. Ниже, у подножия холма, било несколько родников, давая начало чистейшему бурному ручью. По берегам его хватало травы для лошадей. Олег сомневался, что враги рискнут напасть, но и на «авось» уповать не стал: вокруг лагеря навалили заграждение из срубленных кустов и деревьев, а возле родников выложили из камня гнездо укрепленного поста. Обе легкие пушки собрали и зарядили. Артиллерия могла контролировать подходы на сотни метров вокруг.

Лагерь ваксов располагался ниже, прямо у берега ручья. Пара десятков шалашей и навесов да парусиновая палатка вождя – этим подарком Добрыни Мур гордился до неприличия. Олег не стал располагаться по соседству – здесь, у подножия крутого склона, каннибалы могли сверху напасть очень быстро и эффективно или просто скатить парочку здоровенных камней. Плохо, что Мур этого не понимает... Хотя других минусов у лагеря не имелось: под боком чистая вода и топливо со стройматериалами в рощице по другому берегу ручья. Да и риск нападения невелик, людоедам трудно

будет скрыться в горах после контратаки – на лысом склоне не спрячешься.

У Мура здесь было полторы сотни воинов. В кожаных доспехах, обшитых стальными пластинами, и с металлическим оружием, поставляемым Добрыней, – секиры, палицы, короткие мечи и кинжалы, копья, несколько луков и арбалетов. Все имели опыт военных действий против южан (еще до переселения к Наре), многие участвовали в осенней операции против набега хайтов на земли Монаха и в неудачном зимнем походе в Хайтану. Это плюс – в отряде Олега было двадцать молодых ребят, навязанных Добрыней насильно, – военного опыта у них не было вообще. Самые кровожадные их деяния – снятие пойманной рыбы с крючков и последующее ее умерщвление методом сухопутного удушения без доступа воды. Лишь парочка видела хоть какую-то кровь – некоторое время успели отработать в лагере охотников. Если в отряде и будут потери, то как раз среди этих «студентов войны» – в «ветеранах» Олег был более-менее уверен.

Уже подходя к лагерю, Олег наткнулся на Дубина. Главный артиллерист и по совместительству картограф экспедиции занимался геодезическими измерениями. Установив на самодельную треногу теодолит²

² *Теодолит* – геодезический инструмент для определения направлений и измерения горизонтальных и вертикальных углов при геодезических работах, топографических и маркшейдерских съемках, в строительстве и т. д.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.